

Борис
КОЛЕСОВ

г. Москва

БУДУ ВАС ПОМНИТЬ

*Хроника
неожиданных
событий*

КОМЕНДАНТ ТАМАРОВ

Об этих немецких перинах я не имел никакого понятия, пока не приехали в Германию.

Фашистов разбили в сорок пятом. А прикатили мы к папе немного позже. В сорок шестом. Он ведь не сразу нашёл нас после эвакуации. Поселились, значит, в небольшом городке, где стояла воинская часть со своими «тридцатьчетвёрками» и крупнокалиберной артиллерией. Папа достал где-то две перины. С дровами для отопления квартиры было туго. Война только что кончилась, кругом разруха, и, чтобы не замерзнуть в ночные холода, спали мы поначалу под перинами.

Когда приехали в Россию... я рассказываю знакомым ребятам об этих перинах, о прочих странных событиях, в ответ они улыбаются — не верится им. Что здесь поделаешь? Повествуй, значит, но сам над приключениями не забывай посмеиваться. Вот приобрёл привычку.

Ладно, играем однажды с моей сестрёнкой в комнате, где лежат перины. И я прячусь от малышки под одной из них.

Чехол её — вишневого цвета. Материал жесткий и плотный, похож на брезент, которым укрывают военную технику.

Тут ведь в части заметишь хоть танки, хоть пушки. Огромные дальнобойные орудия я видел не раз, потому что сын заместителя командира части по технике здесь не посторонний какой.

Мой папа — зампотех, и он заботится о том, чтобы пушки всегда были в исправности. По его приказу солдаты кутают этих «малышек» в брезент, чтобы не лил на них дождь. А ещё они механизмы чистят, смазывают их маслом. После стрельбы также положено драить стволы — удалять пороховой нагар. Много у папы хлопот с техникой. Почти каждый день допоздна пропадает в части. То на полигоне, то в ремонтных мастерских, то в парке, где стоит техника.

Маша — тоже малышка, и пусть забот с ней у меня поменьше, однако время от времени приходится играть с ней в прятки.

Да... но когда же сестрёнка догадается, что я залез под перину и лежу там не дыша? Она меня до смерти здесь уморит!

— У-у! — вою загробным голосом, страшным и старательным.

Зашлепали сандалии — младшая сестра поняла, что пора действовать более решительно. Засуетилась.

Слышу: лезет под кровать. Там никого нет. А если что-то и есть, то лишь пушинки куриного пуха от перины и мои старые плетёнки.

— Ой! Здесь сандалии! — вскрикивает Машка.
— Они есть, а Валеры нет!

Конечно, меня там нет. Не лезть же в обуви на кровать. За такие штучки запросто от мамы нагорит.

Приходит в голову: надо развивать у малышей сообразительность, пока я тут живой.

Дышать становится трудней с каждой минутой. Из последних сил разеваю рот и завываю ещё более старательно и жутко:

— Пропадаю-у-у!

Топот Машкиных ног. Её крик в прихожей:

— Валера умирает!

Мама и моя добрая младшая сестра бегают по комнате. Они вдвоем ищут меня, и кое-кто сильно рассержен, сердито кричит:

— Валера! Где ты? Вылезай! Иначе получишь ремня.

Чувствую, он уже наготове. Мне такой строгий ремень — сразу или немного погодя — не нужен. Решаю переждать непогоду под периной, сделав щелочку для наблюдений.

Дверь в прихожую открыта, мама и Машка носятся туда и сюда. И — даже кругами возле моего надёжного укрытия.

Каша заварилась! И всё из-за вишнёво-брезентовой перины, под которой, оказывается, можно спрятаться очень надёжно.

Стук во входную дверь.

Мама гремит ключом в замке.

— Здравствуйте, Валентина Осиповна!

Пришел майор Тамаров. Он живёт на втором этаже. Голос у него зычный, как полагается боевому командиру, воевавшему против гитлеровцев целых четыре года. Тамаров всем военным известен, он комендант в нашем городке.

— По какой причине у вас шум на пару с гамом? — Майор уже в прихожей.

— Валера проказничает, — отвечает мама расстроенно.

— Да, — хнычет Машка, — он пропал и умер. А ещё он воет.

— Если воет, то не пропал, — рассудительно замечает Тамаров.

Теперь они ищут меня втроём. Тамаров уговаривает Валеру Ладейнина показаться. Мама при этом напоминает время от времени... о чём? О ремне.

Но это заставляет меня крепко задуматься.

Кто как, однако при таких обстоятельствах способен париться более усердно. Не люблю, когда широкий офицерский ремень употребляется не по прямому его назначению.

Соображаю: ведь вполне возможно приступить к мирным переговорам.

Хорошая мысль! Кричу под периной в свою крохотную отдушину:

— Уберите ремень!

Наверное, мой голос прозвучал странновато. Настолько необычно, что привел маму в ужас. Машка раздражается откровенным громким рёвом.

Тамаров успокаивает растревоженных женщин:

— Полагаю, он спрятался в угольном подвале. Под первым этажом в нашем доме имеется старое заброшенное помещение. Мы слышим крик почему? Потому что окно раскрыто. Звук снизу долетает искаженный, и, значит, не стоит пугаться. Машенька, выйди во двор. Позови брата домой.

Сестрёнка убегает. Майор и мама стоят у окна. Тамаров говорит ей, что с мальчиками всегда много хлопот.

— Сам был в детстве шустрим пацаном. Не нужно делать трагедию из неудачной мальчишеской выходки.

Я затаил дыхание. Валентина Осиповна спешит возражать?

Нет, голос её стал более спокойным:

— Испугалась немного. Тут ещё вспомнила о слухах. Мы здесь переживаем, а ведь, наверное, не было никаких налётчиков?

В её голосе — ожидание. И — надежда.

Комендант смущённо покашлял.

— Почему вы молчите, майор?

— Не знаю, как ответить.

— Скажите правду. Я жена офицера. На толкучку, сами понимаете, не понесу ваших откровений.

Минута молчания.

Меня прошиб пот. Подумал: она сообразила, что в слухах не было вымыслов.

Тамаров тоже понял, что перед женой замполтеха части таиться нет смысла:

— Ночью был налёт на аптеку. Не всё там, конечно, понятно...

— Именно этой ночью?! — воскликнула мама.

— А мы с Анной Романовной из женсовета собираемся после обеда поехать в город Галле. Надо проведать жену офицера. Она в госпитале. Мальчика родила. Слышал?

— Уже в курсе, — ответил комендант. — Что касается Галле, не советую вам ехать.

У мамы — свой довод:

— Мы на машине. И Семаков, ординарец мужа, отвезёт туда, потом привезёт назад.

— Дороги сейчас перекрыты. Без особого пропуска вас задержат на первом же посту.

— Неужели всё так осложнилось? — удивляется она.

— Ситуация, могу доложить, непростая.

— Что им понадобилось в аптеке? Лекарства?

— Неизвестно. Они перебили там все склянки.

Обидели жену немца-аптекаря. Он, этот известный в городе Ротфельс, вступился за неё, и его избивали. Там был ещё отец женщины. Ему, человеку очень преклонного возраста, пришлось на ум позвать соседей. Помогите, дескать! Так вот: его застрелили. Из вещей — их у Ротфельса было мало — не взяли ничего. Оставили в буфете, на виду, и серебряное блюдо, и несколько серебряных чайных ложек. Зато все полки с лекарствами разломали.

— Да это какие-то озверевшие хулиганы!

— Всё не так просто. Они были в форме.

— Бывшие немецкие военнослужащие?

— Кто такие, не удалось пока выяснить. Но они были в форме советских офицеров.

Мама верит и не верит:

— Какой кошмар! Не может быть! Аптекарь что-то напутал.

— Валентина Осиповна, соседи Ротфельса шум всё-таки слышали. Выйти на улицу побоялись, но капитана и старшего лейтенанта приметили.

— И те... в форме... свободно ушли?

— Легковая машина у них была. Поэтому дороги из города нынче перекрыты.

В комнату вбежала Машка, зачастила:

— Валера не слушается. Кричу, а ему не хочется выходить. Он сидит там и сидит. И молчит.

— Если так, придётся поговорить с ним, — сердито говорит мама.

Все трое направились на поиски молчаливого подвального обитателя.

Быстро вылезая из-под перины. Ясное дело, им никого не удастся найти. И тогда кое-кто может вообразить невесть каких ужасов на мой счёт. Нет, пора благополучно объявиться.

Со всеми возможными предосторожностями — но как можно быстрее! — спускаюсь на мягкую землю из открытого окна. Хорошо, что здесь невысоко.

И вот непослушный Валера Ладейнин уже в подвале.

Раньше под трёхэтажным домом хранились топливные брикеты. Хозяйка отапливала свой дом прессованной угольной крошкой. Но прошли те времена, когда она заправляла тут всем. Теперь одинокая вдова немецкого офицера, погибшего в начале войны, живёт под крышей, на третьем этаже, а других здесь и нет. На верхнем этаже ей оставили комнату садовника, достаточно большую, хотя многим жителям полуразрушенного местечка придется пока что ютиться где попало.

Что сказать о здешнем подвале? Тут пахнет не столько угольной крошкой, сколько мышами и плесенью.

С топливом сегодня везде плохо: местная брикетная фабрика давным-давно разбомблена. Когда пустят её, неизвестно. Разживайся, городок, дровишками как хочешь, где пожелаешь.

Сумев опередить поисковую команду, сижу под маленьким пыльным оконцем, что у потолка едва-едва пропускает лучики света.

Появляется мама. Она видит меня. Ну, думаю, сейчас даст жару. Но та — скорее спокойно, чем беспокойно — говорит:

— Нашёл куда спрятаться.

И — всё! Больше ни слова.

Из подвала выхожу довольный мирным обо-

ротом дела. Сестрёнка грозит мне пальчиком:
— Безобразник!

Лучше, конечно, не отвечать ей. Но можно ведь продолжить свое воспитательное мероприятие, не так ли? В продолжение наших с ней прятков позволяю себе поворчать:

— Учить вас надо, воспитывать и воспитывать. Чтоб малолетки не канючили, когда играют со старшими братьями. И чтоб зазря не поднимали шум, а соображали. Поусердней всё же полагаются думать.

Машка покорно шмыгает носом.

Она честный «парень», и если виновата, то не старается изо всех сил оправдываться.

— Мы ещё будем играть в прятки? — спрашивает взволнованно.

— Посмотрим на ваше поведение. — Солидный человек этот Валерий Ладейнин, не сомневайтесь.

В голосе его можно прочесть нежелание обижать сестрёнку. Однако думает он о чём?

Вот о чём: «Ишь, какая! Всем своим видом показывает, что готова кровью смыть позор. Тогда, может быть, стоит поручить ей какое-нибудь важное дело? Пусть-ка спросит у мамы, куда спрятали мою ненаглядную саблю».

Точнее, это был настоящий палаш. Прямой длинный стальной клинок. Он был обнаружен мной на чердаке, в тёмном закутке. Хозяйка хранила его скорее всего как память о погибшем муже-военном.

Хотелось бы ещё получить у вдовы настоящие ножны, однако та не дала. «Я не имею», — сказала противным скрипучим голосом.

Хорошо знаю эту занудность. Она умеет так говорить, что ты немедленно понимаешь, как неприятно почтенной даме беседовать с пронырливым мальчишкой.

Второй раз просить было глупо. Но просто посмотреть на эти ножны — что скрывать?! — очень хотелось. Отделаны ведь какими-нибудь драгоценными камнями, как бывает со старыми фамильными ценностями.

Семья здесь жила до войны вовсе не бедная. Брат хозяйки был одним из владельцев брикетной фабрики. Шишка, что ни говорите.

Когда молотили с воздуха угольные цехи, заодно и шишку разбомбили напрочь.

Была причина целиться в фабрику. Там фа-

шисты соорудили особый подземный цех. Тайком делали эти свои фаустпатроны, которыми поджигали на фронте наши «тридцать-четвёрки».

Без ножен мне в любом случае можно обойтись. Вот только нет желания навсегда потерять тяжёлый клинок. С его помощью было бы способней рубить дрова, правда?

Как размахнёшься, как ударишь — полено сразу разлетается на две половинки!

Строгая Валентина Осиповна увидела мою лихую работу, отняла палаш:

— Это не игрушка. Холодное оружие!

Мама боялась, что сам себя когда-нибудь разрублю при такой отчаянной работе. Где-то спрятала мою находку.

Разве Машка не может поинтересоваться, куда подевался топор, которым орудовал старший брат?

Вскоре мама ушла по своим делам. Мы с сестрёнкой остались дома одни. Состроив доверительную физиономию, говорю ей тихим голосом:

— Желаете, покажу, где лучше всего прятаться?

— И никто не будет знать про меня?

— Никто. Но услуга за услугу. Ты находишь мне саблю. Я помогаю тебе играть в прятки. Так и быть, раскрою свою тайну.

Машке очень хочется узнать про необыкновенное место, куда человек возьмёт и схоронится. Так захоронится, что потом никому не удастся отыскать.

Её глазёнки загораются. Она представить себе не может: речь идёт о такой простой вещи, как перина в жёстком чехле вишнёвого цвета.

— Мама спрятала твою саблю в саду! — выпаливает радостно.

— Под яблоней?

— Не-а.

— Там, где крыжовник растёт?

— А вот и не там!

Как можно более равнодушно смотрю в потолок. Кажется, сообщив про сад, другие подробности здесь утаивают. Таким образом можно беседовать долго и бестолково. Безуспешно для моего дела.

Что ж, надо сделать вид, что кое-кто не очень спешит заполучить саблю.

— Если не хочешь говорить, то — пожалуйста. Мне всё равно, под каким деревом она лежит.

— Не под деревом!

— Тут некоторые больше не желают играть в прятки. Сейчас пойду, налью себе чаю в стакан. И буду целый час спокойно попивать чаёк. Никаких игр, ясно?

Малышка испуганно заморгала.

Понимаю, что необходимо продолжать наступление, иначе дрова станут смеяться над неловким древорубом:

— Болтушка! Ничего не знает, а похваляется, будто ей всё известно.

Честная Машкина душа возмущена:

— Неправда! Я слышала, как мама говорила папе...

— Говорила... Ну и что здесь особенного?

— Мама схоронила саблю под лавочкой. И ещё она сказала, чтобы тебе не рассказывали про холодное оружие.

Удержаться от замечания? Не было никакой возможности! У меня такой характер. Если подвернулась минута, если можно весело улыбнуться, почему не улыбнуться? Бедная Машка! Кажется, я развеселился чересчур победно, когда подмигнул и сказал:

— Эх, ты! Проболталась!

Громкий рёв. Из-под беленьких ресничек покатались прозрачные горошины:

— Ты меня разболтал! Нехороший!

Надо восстанавливать справедливость. Спешу с обещанным своим признанием, которое должно вернуть тишину в нашу дружную семью:

— Не реви. Полезай под перину. Прячься. Проверено, никто не найдёт. Честное слово!

Малышку долго уговаривать не надо. Живо юркнула туда, где никто искать не станет. Повозилась, устраиваясь поудобней.

На этот раз если и был с моей стороны смешок, то беззвучный. Мысленно высказался так: «Где твои сандалии? Растяпа есть растяпа. Оставила их на виду, разве это правильно?»

Верное решение проблемы — затолкать Машкину обувку под кровать.

Стою и думаю: вот припрятал, а дальше как быть? Обещал, что отыскать сестрёнку будет трудно. Значит, не моя теперь обязанность — находить малышку. Пусть старается кто-нибудь другой.

Хорошо, недолго пришлось размышлять.

Хлопнула входная дверь. Появилась строгая Валентина Осиповна, которой не было ещё известно про мои достоверные знания о лавочке в саду, о сабле под лавочкой.

Наверное, мама ходила к соседям. Семьи офицеров в приготовлении обеда соблюдали взаимопомощь, куда ж было без этого?

Через несколько минут на плите в кухне вовсю шипело и скворчало.

Я подошел к большой чугунной сковородке. Возле нее было жарковато, зато пахло очень вкусно.

Словами коменданта гарнизона говорю:

— Могу доложить... кое-что... немедленно.

— Если важное, докладывай в точности, — сказала мама, не поворачивая головы от кастрюли на столе.

— У нас всё нормально. Маша надёжно схоронилась, потому что была её очередь прятаться. Просит, чтобы ты поскорей...

— Разве моя очередь искать?

Половником мама черпала из кастрюли жидкое тесто и выливала белую сметанообразную массу на сковороду. Три порции — три оладышка.

Как только они подрумянивались снизу, мама ловко подбрасывала их. Те взлетали, переворачивались в воздухе и шлёпались на горячий чугун непропечённой стороной.

Насчёт поварской сноровки у строгой Валентины Осиповны было всё в порядке.

«Вот если б ещё здесь... если б отдали саблю... можно забыть о той строгости, которая...» Стою. Размышляю. Вдыхаю.

На кухне жарко. Пахнет горячими оладьями. И — фруктовым муссом. Проще говоря, обычным крыжовником, истолченным ступкой в фарфоровой миске.

Возвращаюсь к Машке. Зову кушать оладьи с фруктовой подливой. Потом снова иду поближе к плите, к приветливому столу, где уже стоят тарелки для нас.

— Папа обещал приехать к обеду, — озабоченно говорит мама.

Несогласная малышка кричит у себя из-под перины:

— Моя очередь прятаться!

А у Валерия Ладейнина — просьба возле плиты:

— Можно мне без очереди? Хочется поскорей попробовать...

— Отобьёшь аппетит, — замечает мама. — Лучше вместе сядем за стол. В кои-то веки семьей пообедаем. Последние дни папа не успевает вовремя поесть.

— Это, наверное, из-за них. Из-за этих, — намекая как бы между прочим, но так многозначительно, что половник в руках мамы замирает.

— Кого имеешь в виду?

— Семаков говорил, что не везде торопятся разоружать фашистов. Есть места, где они хоть уже и не воюют, но ходят с оружием.

— Германия большая, — говорит мама, начиная опять взмахивать половником и выливая жидкое тесто на сковородку. — Может, где и ходят.

— Они, что же, стрелять разучились? Вон старика в аптеке убили!

— Не твоего ума дело! — сердится строгая Валентина Осиповна. — Рассуждает он о бандитах. Лучше бы слушался родителей. У меня от твоих выходок кругом идёт голова.

Мне становится обидно. Саблю отняли — ещё куда ни шло, но ведь недобитые фашисты могут вытворять разные гнусности, разве не так?

Мама ругает за то, что голову ей кручу. А наши с Машкой прятки — это ерунда, когда войны уже нет, она кончилась, а людей по-прежнему запросто убивают.

Пусть тут все думают, что хотят. Только Семаков зря не станет говорить, и я верю: у нас в городке появились вооружённые гитлеровцы. Какая-то причина привела их сюда.

Они будут бандитствовать, а я — слова не скажи и маму не расстраивай, да?

— Никто, — грустно замечаю, — во взрослые дела не вмешивается. Но должен доложить, что Машка лежит под периной. Вылезать оттуда не собирается. Она там задохнётся, если ты не вытащишь эту упрямую малолетку.

Валентина Осиповна швырнула сковородку на плиту. Побежала спасать неразумную малышку.

Оладышек упал на пол. Печально посмотрев на него — какой он румяный и аппетитный! — я пошёл в сад. Сел на лавочку, под которой лежала моя ненаглядная сабля.

Что ж, Машку спасти удалось. Однако вряд

ли похвалят Валерия Ладейнина за сестрёнку под периной. Придётся держать ответ. И почему мне так не везёт?!

ТАЙНА ХОЗЯЙКИ

Сад примыкал к задней стене дома. Здешние дорожки были посыпаны толчёным кирпичом, похожим на тёртую морковь. По обочь их росли груши и яблони, кроны которых густо сплелись. Они от бомбёжек не пострадали, а если сегодня страдают, то по той простой причине, что настоящего садовника здесь больше нет. Никто не подстригает ветки.

Гляжу в даль тропок, под зелёные шатры крон. Плохое настроение тает, уходит. Сижу, смотрю на шелестящий сад, принимаюсь потихоньку размышлять.

Почему не пострадали здесь деревья? Эта часть городка — южная — сохранилась лучше, потому что бомбы сыпались в основном на северные кварталы. И на восточные.

В тех местах засели эсэсовцы — им было что защищать там. Аэродром, фабрика с подземным цехом, казармы охранников...

После боёв остались одни развалины вместо кирпичных военных коробочек. Взлётная полоса аэродрома теперь усыпана огромными каменными глыбами. Видать, взрывы этих подземелий были страшные.

Тут, где мы живём, сегодня тихо и нет никаких бетонных обломков. В саду нашего дома растёт разлапистый старый крыжовник. Поутру хозяйка собирает его. Который день подряд она приносит полную миску маме. Когда в ответ ей предлагают какие-нибудь продукты или вещи, мотает головой. Поджимает свои тонкие губы и заявляет: нельзя принять плату от фрау Ладейниной за подобную мелочь. Маме, ясное дело, не нравится, что она здесь не Валентина Осиповна, а замечательная фрау, жена очень высокого человека, тоже исключительно замечательного.

Глупо ведь спорить в таких обстоятельствах, правда? Вот никто и не спорит, хотя...

Мне тоже не нравится хозяйка.

Командовала раньше в своем поместье и никому не таскала крыжовник в миске. Даже бургомистру.

Мама рассказывала о ней: когда нынешний городской глава велел покинуть дом, она устроила истерику. Просила, чтобы позволили жить хотя бы в комнате бывшего садовника. Стану, дескать, ухаживать за садом, присматривать за домом.

Мне думается, не сахар ей — быть здесь вроде дворничихи. Но всё же упростила городскую власть.

Жёны русских офицеров не стали возражать. Тем более, что трёхэтажному дому быть без присмотра не годится.

Они все, как я заметил, по-доброму относятся к пожилой немецкой женщинам, оставшимся без родных, без работы, без жилья. А с некоторыми даже дружат — помогают продуктами, вещами: время в Германии трудное, голодное.

Мама сходила тогда в немецкую городскую управу. Тамошнего начальника видела. Худой такой, из бывших лагерных заключённых, из старых антифашистов.

И получилось что? Бургомистр сказал хозяйке: можешь остаться в комнате садовника, скажи спасибо жене офицера Ладейнина. С тех пор Валентина Осиповна получает подарки из густого, очень колючего ягодника.

Сижу на лавочке, гляжу в тенистую глубину фруктовых посадок и морщусь, когда вспоминаю про ежедневную порцию неправды.

Миска с ягодами для хозяйки вовсе не мелочь. С продовольствием в городке неважно, поэтому легко понять: к Валентине Осиповне Ладейниной подлизываются. Нахально. В то время, как на мальчишку Валеру Ладейнина фырчат. А разве он виноват, что кое-кто в своё время припрятал саблю в тёмном уголке под крышей дома?

И потом разве мой папа «высокий» начальник?

Заместитель командира по технической части иногда приходит домой в перепачканных грязью сапогах, и мама помогает их снимать. Он заявляется поздно вечером, его руки перемазаны машинным маслом, и мама начинает греть воду. Чтобы ночью папа отмылся от танковой и пушечной смазки, чтобы рано утром он отправился к командиру с белым, только

что подшитым воротничком и доложил, что приказ выполнен и техника в порядке.

Ой, врёт хозяйка! И при этом подлизывается без зазрения совести! Другие могут здесь думать что хотят, а младший Ладейнин имеет право не верить ей.

Как она ухаживает за садом? У неё груши, яблони стоят как стояли, но ветки — где усохшие, где очень тонкие — почти все без плодов. Они вытянулись метров на шесть в высоту. Даже мне туда, наверх, не забраться. Впрочем, крепко-накрепко запрещено лазать на эти ветвистые деревья.

— Почему нельзя?! — не раз спорил с мамой. — Бургомистр вообще не желает видеть эту фрау!

— Она работает в саду, — возражает строгая Валентина Осиповна. — Фрукты, ягоды принадлежат ей. Пусть она и распоряжается плодами своего труда.

Поспорь Валера Ладейнин с мамой!.. У нее всё ясно: получай твердое «нет!».

Походить по садовым дорожкам, посидеть на лавке — мне всё же не запрещено. Люблю навещать старые деревья с их тенистой прохладой, с их вечно шелестящей листвой.

Поскольку часто здесь бываю... Да, имел возможность заметить ещё одну странность хозяйки. Ей на плодовые деревья наплевать, зато она сильно уважает ягодник. Залезет в колючее скопление кустов, шебуршится там. Окапывает свой крыжовник: шурует лопатой с коротким — сапёрным — черенком, а ты подходить не смей. Зафырчит!

Допустим, человек обожает не яблоки и груши — только эти ягоды. Тогда зачем нужно скармливать весь урожай «высокому начальнику» Ладейнину с его беспокойным семейством? Может, для того надо, чтобы не было соблазна у некоторых проныр самим нарвать ягод?

За садовой оградой слышу свист.

Когда суёшь два пальца в рот и кладёшь их в ложбинку языка, звук выходит басовитый. Если из указательного пальца и большого сложишь колечко истроишь его к щёлчке между зубов, звук другой — резкий, пронзительный. Так свистит Колян.

Это он поприветствовал меня. Позвал выйти на улицу.

От его звучного приветствия засвербило в ушах, и я, поморщившись, кричу в ответ:

— Здорово, цыган Самопалов!

— Здоров и ты! — голова Коляна показывает над забором.

Чуб приятеля победно развевается на ветру. Он чёрный и пышный. Одно слово, цыганистый.

Подбиралась к его шевелюре мать, сестра из медсанчасти, — не укоротила. Отец, старшина хоззвода, не раз советовал привести лохмы в порядок. И всё же как ни щёлкали ножницами, ни улещивали сына — он выказывал чудеса победной стойкости.

Во время войны Колян Самопалов от своей боевой семьи отбил: потерявшись, полгода кочевал с цыганским табором в низовьях Волги. Теперь говорит:

— Разве у меня волосы? Ром Автандил ходил чин чинарём, причёска была, словно у льва. Очень нравилась всем.

Дружок не против и бороду иметь. Однако до той поры должно пройти лет десять. За такой срок наверняка убедят постричься. Будь ты смелым, гордым, будь упрямым, как мой приятель, — хоть кого можно заманить в кресло парикмахера.

Напрасно переживают старшина с медсестрой. Шикарный парень попадёт в парикмахерскую ловушку. Причина, думаю, проста и всем ясна. Она слишком простодушна, эта вера в обязательную красоту большого чуба и большой бороды.

А пока приятель собирается забраться на забор.

— Гуляешь? — спрашивает.

— Не то чтобы гуляю...

— Делом занят?

— Можно кое-где... поискать кое-что...

— Помочь?

— Лезь, если желаешь.

Дружок ловок, словно кошка. Он пониже меня и слабее: побороть его нетрудно. Но вот залезть куда — он первый. Перескочить через высокий забор ему пара пустяков. Подтянулся. Перекинул зад, обтянутый штанами из воен-

ного зелёного сукна, через планки. Взбрыкнул ногами, обутыми в грубые солдатские ботинки — не то американские, не то французские. Через минуту свалился шумно в садовые кусты.

— Тише! — зашипел я. — Хозяйка заметит нас.

Он отряхивает колени. Отвечает беспечно:

— Давно бы её выгнали.

Колян терпеть не может здешнюю фрау. Та мимо него равнодушно не пройдёт. Сделает страшные глаза, словно завидела конец света.

Она как-то намекнула моим родителям, что лучше бы цыганёнку вообще не приходило в приличный дом. А Колян ведь имеет право играть тут хоть со мной, хоть с Машкой, правильно?

Пригнулись. Не шумим. Чинно сидим в кустах.

Выходить на садовую дорожку — хоть чинно, хоть как — необязательно. Потому что поодаль показалась хозяйка. Наверное, разбойничий свист моего отчаянного дружка обеспокоил ее.

Постояла. Помаячила, направилась к дому.

Можно перевести дыхание. Что я и делаю — отдуваюсь, словно сам только что сигал через забор. Приятель поглядел на меня, усмехнулся.

Весело храбрецу Самопалову! А ведь нам сейчас опасны посторонние глаза! И вообще — мне бы на его месте было не по себе. Препирается частенько с фыркающей фрау, однако всё без толку. По-немецки он пока что понимает неважнецки. Поэтому их беседа — ещё та комедия.

Она ему делает, к примеру, замечание:

— Воспитанные мальчики с помощью носового платка сморкаются.

Тот крутит головой:

— Не брал ваши простыни.

Фрау начинает кипеть. Голос её скрежещет:

— В подъезде лежит половик. Рекомендую вытирать ноги.

Колян объясняет:

— Вы постирали белье. Оно висит на верёвке. Ветер подул, простыни улетели. Ищите. Может, найдёте.

Хозяйка заводит глаза под лоб. Была бы её власть, наверняка выпорола мальчишку на конюшне.

А смешное здесь в том, что дружок достаточно серьёзен. Он в самом деле понимает её плохо. Отвечая, путает немецкие слова. По-цыгански и то лучше говорит.

Почему не желает учить новый для себя язык? Думаю, настроение у него пока такое... много страшного повидал... Как сказал мне однажды его отец, не принимает душа у парня.

Да, Коляна тоже надо понимать!

Говорили неугомонной хозяйке: не насмешник он. Не доходит до неё. Схватит у него из-под ног половик, мчится за дом выколачивать и уж там очень громко старается — пыль столбом!

Самопалов выглянул из кустов. Поглядел, куда пошла фрау.

— Порядок. Нет никого. Что будем искать?

— Саблю под лавкой.

— Умаешься копать.

— Видишь, у меня железный прут? Будем втыкать его в землю. Как сапёры.

— Всё равно долго.

— Саблю тебе отдам, — замечаю как бы между прочим. — У меня отберут. Сказано было: не нужна. От своего слова не откажутся. Вот и выходит, что находка будет твоя.

— Если так...

— Станем ходить на озеро. Там полно крапивы на высоком берегу. Ох, и ловко сечёт сабля крапиву!

— Это можно, — согласился Колян. — Давай свой щуп. Проверю, как входит в землю.

Где мы с ним были? В дальнем углу сада. В кустах около забора.

Значит, где затеял он свою проверку? В колючем ягоднике, не раз вспаханном сапёрной лопаткой.

Когда дружок согнул конец прута, чтобы удобней было нажимать на железку... когда воткнул щуп в землю, не раз перекопанную хозяйкой... когда тот ушёл в рыхлую почву...

Случилось вот что.

Щуп глубоко и очень легко провалился. Колян потерял равновесие, чуть не упал. Устояв на согнутых ногах, покачавшись из стороны в сторону, он с пытением выпрямился, посмотрел на меня удивлённо:

— Кажется, нащупал нашу саблю.

— Здесь? — моё удивление было гораздо больше.

— Проверь сам.

Мы крутились вокруг своего неожиданного

прута. Старались выяснить, вот что упирается его конец. Но поняли только одно: там, внизу, была особенная вещь, скорее всего металлическая. Пришлось руками разгрести землю.

— Есть! — забормотал мой счастливый помощник.

Дёрнул что-то глубоко внизу. Там затрещало. Показался край грязной материи. Из неё посыпались на землю металлические кругляши.

То была колбаса. Не такая, что обычно вам наштапована мясом и салом, — другая. Битком набитая блестящими кружочками сияющих монет. Не потускнели они от сырости. Были новенькие, белые, с орлами.

— Серебряные? — спросил Колян.

Повертев монету, подбрасываю кругляш в воздух, говорю небрежно:

— Возможно, сплав. Никелевый. Серебро потемнело бы, потому что окисляется быстро.

— Фашистские монеты! — с неприязнью высказывается приятель, рассматривая горделивых орлов.

Минуту назад был он счастливчиком, а теперь его передёрнуло из-за неожиданной этой находки.

Смотрим друг на друга. И молчим. Но думаем, конечно, одинаково: кто-то надеется, что гитлеровцы вернуться. Они возьмут власть, и тогда монеты с орлами опять будут в ходу.

Слова у Самопалова куда-то запропали. Но было возмущение, и от возмущения он стал отчаянно трясти головой. Наконец выдавшего виды «цыгана», моего храброго и ловкого дружка, прорвало. Выкрикнул:

— Чёрта с два они вернуться!

Он взял щуп, начал ходить между кустов.

Проверял, не спрятано ли здесь ещё что-нибудь. Усердно заталкивал железный прут в междурадя.

С хлопотливым стараньем вытаскивал, чтобы запихнуть, неуступчиво сопя, опять и опять. Когда спина и руки у него устали, пришлось Коляна сменить, и мне сразу же повезло.

— Новая колбаска!

На этот раз монеты оказались поменьше размерами и не слишком новенькие. Похоже, их доставили сюда издалека. Неудивительно! Под

фашистами в свое время была почти вся Европа.

Кроме денег, обнаружили в придачу жестяную коробку. Она была раза в два больше обычной банки из-под леденцов. Увесистая, словно гирилка для магазинных весов.

Подцепив железным прутом крышку, Колян сильно потрянул коробку, истертую когда-то до сплошной серой унылости.

Находка вдруг звучно распахнулась, жестяная крышка полетела далеко в сторону. Перед нами очутилась толстая пачка немецких банкнот. Очень крупного достоинства.

— Сволочные фашистские деньги! — разозлился приятель.

Выхватив с десяток купюр, он размахнулся, запустил бумажный комок через забор. Ветер охотно подхватил банкноты, несколько лет назад обещавшие владельцу богатство и власть. Он скрутил их в жгут, потом начал поодиночке вертеть, подбрасывать, безостановочно неся вдоль по улице. Вот это было зрелище! Понравилось оно моему другу, вспомнившему свои беды, и вот уже новые бумажки отправились через высокий дощатый забор.

Он смотрел, как те скользили по гладкому полотну дороги. Все они вдруг вспорхнули, полетели всё выше и выше, цепляясь за стены домов и пытаясь приклеиться к стёклам.

— Чтоб вам сгореть, убраться куда подальше!

Я бы, конечно, не упустил случая весело высказаться. В том смысле, что сгореть им — очень хорошо. И достаточно, к сожалению. Однако в эту минуту с улицы послышались возбуждённые голоса.

— Тикаем! — крикнул Колян.

Полез было на забор.

— Куда? На сердитую улицу? — пришлось остановиться его. Я потянул друга в глубь сада.

По дорожке мы побежали к лавке, не дождавшейся освобождения от сабли, и дальше — к задней стене дома.

Внезапно увидели хозяйку. Приложив ладонь ко лбу, та глядела на порхающую стаю. Нет, не птиц — бумажных банкнот! Лицо у неё было такое... Да, ей нетрудно было догадаться, чьи деньги радостно летали по воле разгулявшегося ветра. С минуты на минуту она разразится воплями.

Её тайна раскрыта. Клад порхает неизвестно куда. Поэтому она выцарапает глаза пронирамом. Это произойдёт прежде, чем кто-нибудь придёт нам на помощь.

— Домой нельзя! — повезло: всё же успел дернуть друга.

Мы свернули на боковую дорожку. Помчались в дальнюю часть сада, которая примыкала к параллельной улице.

ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Куда было податься? Нам — шустро бегущим — сообразить было не так уж трудно. Укромных мест в городке много. Восточная окраина просто обязана интересоваться заполошно тикающих. Там всё разрушено. Нет ни одного жилого дома, верно? Припустились к аэродрому.

Пока что посидим в ангаре, что разбит бомбой. Суматоха утихнет когда-нибудь. Потом никто нас и не спросит, откуда взялись на улице банкноты, всем до чёртиков противные.

Поплутали по разбитым улочкам. Вышли к пшеничному полю. Если идти по дороге через желтоватый разлив несозревшей пшеницы, напрямик попадаешь на аэродром. Расчищать его никто не спешит. Хотя брикетную фабрику — по соседству — собираются восстанавливать. Наши сапёры там уже работают. Ищут мины, чтобы немецкие рабочие могли спокойно ставить оборудование.

Вот она перед нами — взлётная полоса! Вздрыбленные бетонные глыбы. На них смотрит покосившаяся вышка. С неё раньше — не кособоким, надо понимать, а прямой — следили за взлетом и посадкой самолетов.

Раньше у нас не было желания поглядеть на городок с хромоногой верхотуры. Нет его и теперь. Ангар — другое дело. Тут стены достаточно крепкие, хотя крыша пробита, разворочен пол. Часть самолётного крыла, поднятая взрывом, застряла в металлических переплетениях кровли.

Пол в ангаре с важным секретом. Во всяком случае, о своём открытии мы не кричали на каждом углу. Вряд ли кто, кроме Коляна и меня, знает: возле одной из стен есть узкая щель. Щель — проход в подземный бункер.

Залезаем туда. Стоим, потихоньку привыкаем к темноте.

Никогда мы не углублялись далеко в эту страшную темень. Однажды решили пойти, зажигая спички. Бетонный коридор тянется, тянется. Идешь, шаги звучат — бум! бум! Стены все в серой плесени, под ногами слякоть, как в осеннюю непогоду. По бокам видны какие-то ниши. Для чего они здесь нужны? Наверное, раньше стояла охрана. Неуютную обнаружили мы картину!

Холодная сырость лезет под рубашку. Поеживаясь, говорю дружку:

— Тут всё как прежде. Ничего не изменилось. Пойдём лучше на солнышко.

Вылезаем. Страхиваем пыль с одежды.

Никто не спорит: под ясным чистым небом всё же веселее. Гляжу на пшеничное поле вдали. Вот такие просторы у нас во Владимирской области, на родине мамы. И облака вверху похожие... Нет, всё же наши поля раздольней.

Колян словно слышит мои мысли:

— Смотришь? До войны видел пшеницу в степном Заволжье. Там конца края нет!

— О вкусных саратовских калачах знаю.

— Откуда?

— Папа рассказывал.

Мы сидим на покато́й бетонной плите. Один её край задран к небу. Тут можно даже полежать, греясь под прямыми солнечными лучами.

Лежу, закрыв глаза. Мысли пошли об уличном происшествии: «Утихомирились фашистские деньги? По-прежнему летают над крышами домов?»

Самопалов тут как тут со своей подсказкой:

— Деньги уже там собрали. Отнесли.

— Куда?

— Куда надо.

Раз отнесли куда надо... на душе стало спокойней. Теперь можно опять думать о родных полях и лесах.

В Германии я не видел настоящего соснового бора. Деревья в лесу по линейке стоят. Как солдаты. Не тянет в такие заросли. Мне бы в деревню... К бабусе. Идёт от околицы на сорок километров знаменитый Муромский лес. Когда ходил с ней по грибы, спрашивал: где он оканчивается. «Нет русскому лесу конца, —

ответила та. — Муромский долго тянется. И переходит в Мещерский. Тот ведь тоже заканчиваться не торопится, переходит в Боровский. За ним, глядишь, и Брянский появляется. Ходи знай, палочкой пошевеливай палые эти листочки под берёзами. Авось без белого-то не останешься».

Она уважает белые грибы. На всякие сыроежки — ноль внимания. Но если по мне, они так же хороши, коль съедобные. С жареной картошкой очень вкусны и зеленушки, и моховички...

Эх, в деревню бы сейчас! Продовольственный паёк мы получаем исправно. Жить можно. О чём помечтать остается — так это о бабушкиной сковородке.

— Слушай! — говорю Коляну. — В Германии едят жареную картошку с грибами?

— Нет, конечно.

— Почему?

— По карточкам этого не дают. Вон соседская девчонка Анна-Лора. Всё чаще трескает перловку.

— Станут немцы жить лучше, возьмут и отменят карточки. А вот какое у них любимое блюдо?

— Известно давно. Белые такие сосиски... с тушёной капустой.

— Неплохая вещь. Но картошка с грибами всё же вкусней.

Колян ворчит:

— Сейчас не отказался бы от вещи. От неплохой.

Мы с ним здорово проголодались. Надо что-то делать...

В городок возвращаться? Наверное, пока не стоит. Если деньги уже находятся там, где надо, всё равно... их необходимо пересчитать, сообразить, откуда они взялись, и попробовать найти остатки фашистского богатства.

Дружок продолжает ворчать:

— Сдрейфили мы с тобой.

— Сам разбросал деньги по улице.

— Если придётся отвечать... первая очередь моя...

— Ишь, какой! Выбрал себе очередь для ответа. Сидим тут без толку, а дальше что?

— Ладно. Покажу кое-что. Айда в бункер!

Опять лезть в холодное убежище, где хлопает под ногами вода? Отчаянный Самопалов зовёт поучаствовать. В его любимом занятии, в путешествиях. Наверное, в подземелье спуститься ему одно удовольствие, однако мне забираться туда не хочется.

— Не пойду!

Характер есть характер. Возразишь, если считаешь, что ты не должен соглашаться... во всём... всегда... со всеми...

Мне даже немного жалко приятеля. Скучно ему будет в бункере одному. Был бы здесь кто другой — небось, в обязательности составил бы компанию цыганистому Самопалову. Понимаю, что вредничать нехорошо. Но пусть у меня характер не из лучших, останется он такой, какой есть:

— Раньше была охота. Теперь пропала.

Колян делает ловкий ход. Подмигивает со значением, доверительным тоном, словно хозяйственный старшина командиру взвода, докладывает: там припрятал кое-что. Мне, конечно, интересно: что за вещь?

У него приготовлен ответ: хорошая. Маслом смазанная.

— Бутерброд там, что ли?

— Смолотил бы его давно. А мою вещь нельзя дома держать.

Вот такой он, Колян! Заинтересует тебя — и хоть беги за ним сломя голову. Придётся лезть в сырой аэродромный погреб.

Приятель наподдаёт своим тяжёлым ботинком валяющийся на дороге стеклянный пузырёк. Перешагивает через мелкие самолётные детали.

Знакомая щель. Снизу тянет знобкой прохладой с запахом противной плесени. Спускаемся по ступенькам. Казалось бы, что нам стоило замереть на минуту, прислушаться, всмотреться в полумглу входа? Обязательно заметили бы странность.

Но спускаемся без раздумий. Идём дальше. Под ногами чавкает грязь.

— Скоро ли доберёмся до твоего тайника? — спрашиваю.

— Пришли, — отвечает Колян.

Упористый бункерный путешественник останавливается, шарит рукой по высокой полке

в глубине мрачноватой ниши. Здесь скорее всего стоял раньше телефонный аппарат для охранника.

То, что было вытащено, оказалось бесформенным комком тряпок.

Несколько шагов назад. Туда, где чуточку посветлей.

Дружок не спеша разворачивает сверток. С понятным нетерпением слежу за его руками. Узлов слишком здесь много, прям-таки избыточно. К тому же неохотно они поддаются всяким усилиям, и приятелю приходится пускать в ход зубы.

— Вот навязал! — смеюсь.

Настроение у меня как раз такое, чтобы, посмеиваясь, ждать сюрприза.

Ответ какой-то странный:

— Жалко. Неплохая ведь штука.

— Комок тряпок жалко?

— Ещё заржавеет. Танковая смазка надёжна, а всё равно капает с потолка и капает.

В глубине бункера, в той мгле, что скрывала дальний конец коридора, что-то плеснуло и затихло. Мне почудилось: упал кусок бетона с потолка. Колян молчит, растягивает крепкий узел. И показывает парабеллум. Немецкий пистолет с длинным стволом.

Мне приходилось находить в развалинах небольшой, начисто искореженный пистолет, который звался «вальтер». А также — расщеплённый приклад винтовки, магазинную коробку от автомата, стреляные гильзы. Правда, все мои находки были настоящим утильсырьем. Кроме исключительно подлинного, ничуть не ржавого палаша, ни одна вещь из моих многочисленных приобретений особой ценности не представляла.

Самопалов старательно протирает парабеллум концом тряпки:

— Машинка исправная.

На все сто годный к немедленному использованию, большущий и тяжеленный, словно килограммовая гиря, этот пистолет у него «машинка». Шутит, что ли? Интерес нарастает. Спрашиваю:

— Где взял?

— Нашёл.

Объяснение нормальное. Спрашивать дальше не приходится. После недавней войны чем только не наспигована пока что здешняя земля.

Найдёшь и пачки банкнот, и толстые колбаски монет. И даже ордена, все эти фашистские кресты с дубовыми листьями.

Похоже, мы нашли два клада. В моём оказались деньги, а дружку удалось раздобыть личное оружие немецкого офицера.

Колян взял пистолет в правую руку и голосом своего отца — боевого старшины — гаркнул:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Не собиравшись никого арестовывать. Просто решил пошутить, направив ствол парабеллума в глубь коридора.

Во мраке бункера, в дальнем конце бетонного прохода, раздался жуткий крик:

— Найн!

Там гулко бабахнуло.

Сразу в ответ жажнул парабеллум. Колян нажал на спусковой крючок своей «машинки». По бункеру заметалось громкое эхо. С потолка сыпанул дождь мелких капель. За шиворот потекла холодная вода.

Ноги понесли меня вверх по ступенькам. Поспешный отход прикрывал Самопалов, сумевший стрелнуть в темноту ещё раз.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как он мог там очутиться, брат нашей хозяйки? Все думали, что его не стало, когда бомбили угольные цехи. Однако ему удалось выжить.

Подземелья разрушенной фабрики знал как свои пять пальцев. Вначале отсиживался в прежних владениях, а когда наши солдаты и немецкие рабочие захотели наладить выпуск брикетов, призадумался. Куда теперь перебраться?

Переселился на днях в аэродромный бункер, хотя там не было даже намёка на уют. Зато хватало плесени и сырости.

В самом конце коридора нашёл комнату. Соорудил там себе островок из бетонных обломков. У брата фрау не заживала давняя — после бомбежки — рана. Видно, уже крепко шалили нервы: грозный крик Самопалова так напугал его, что, завопив от страха, пальнул в себя.

Никаких мероприятий в городке не устраивали по случаю смерти богатого фашиста.

Наша хозяйка... не столько о брате жалела, сколько об их общих деньгах, которые внезапно взяли и полетели. Фрау была арестована сразу. Бургомистр прислал двух полицейских. Имущество? Как и полагалось, его конфисковали.

Когда с нами стали говорить о деньгах, пришлось показать, где валялись колбаски с монетами. Улетели ведь банкноты, а прочие металлические кругляши остались лежать в ягоднике.

Одна из колбасок была набита золотыми голландскими гульденами. Старая парочка для дальнейшей жизни в первую очередь на них рассчитывала, как сказали полицейские. Вместе со своим золотым запасом фрау и брат надеялись перебраться куда-нибудь в более подходящее место. От городка подальше, а к богатому банку поближе. Вначале ранение у бывшего промышленника задерживало уход, потом хитрой парочке помешал Колян.

Мы с гульденами расстались вполне спокойно.

С когда-то найденным парабеллумом случилась история... не сказать чтобы грустная. Однако веселья тоже было мало. Настолько неожиданно закончилась она, что у меня появилось желание пригласить на свой день рождения майора Тамарова.

Значит, смело стрелнул Самопалов. Я выскакиваю из ангара, за мной бежит дружок с пистолетом. Мы всё время оглядываемся. Не догоняет ли нас фашист из подземелья?

Не сомневались: громко кричал и стрелял какой-то недобитый гитлеровец. Отступаем, прячемся за бетонную плиту с приподнятым краем, где не так давно полеживали под солнцем безо всякого страха.

На всякий случай Колян пальнул в сторону ангара. Никто пусть оттуда не высовывается! Надеялись мы: примчатся со строительства брикетной фабрики наши солдаты. Выстрелы наверняка слышны.

И точно — приехал грузовик с военными. Нас отвели подальше, отобрав парабеллум.

Молоденький лейтенант подобрался к щели. У него набок была сдвинута фуражка. Он покрепче натянул её на голову, крикнул:

— Вы окружены! Выходите! Бросайте оружие!

Ни звука из бункера. Тогда лейтенант снял фуражку, положил её аккуратно на камень,

взял у солдата автомат и — нырь в щель! Я ждал, что вот снова начнется отчаянная пальба. Однако ничего, обошлось без перестрелки. К тому времени фашиста уже не было в живых.

А Колян молодец, правда?

Когда нас привезли на машине в комендатуру, дежурный поглядел на моего дружка с интересом. Посмотришь тут! Ведь ему было доложено, что вел огонь именно этот чубатый паренёк.

Потом дежурный посмотрел на меня:

— Точно? Стрелял тот? В полуботинках?

Колян стоит рядом, касаясь плечом моего плеча. Ноги у него запачканы бункерной жижей. Трудно понять, что за обувь у Самопалова.

На вопросы дежурного надо отвечать. В голову приходит мысль потопать своими сандалиями, тоже основательно грязными и похожими теперь на высокие ботинки. Для чего тут суетиться? Для того, чтобы их легче было отличить от настоящих ботинок храброго моего приятеля. Цыганистый Колян — герой! Которые прочие здесь, они — пожалуйста! — ни при чём, потому что у них сандалии. Видите?

Принимаюсь громко топтать.

Дежурный капитан — выяснилось, что фамилия у него Ливров — прикрикнул:

— Стоять смирно!

Затем он берёт лист бумаги. Что-то пишет. Откладывает ручку в сторону:

— Эй, храбрый стрелок! А ты почему не показываешь свои ботинки? Тайна, что ли?

Смотрю на мою плетёную, не очень солидную обувь. Сандалии теперь — точно! — проглядываются достаточно хорошо. Грязь слоями лежит на полу с ног, однако мне смущаться не к спеху. Немедленно вступаю за приятеля:

— Самопалов скромный. И потом вы пока не разрешили нам чистить подошвы.

— Тот, который не стрелок, — говорит капитан, — тот может помолчать. Ишь, неуступчиво шустрый!

Но у меня, как известно, характер. Такой, что заставляет иногда не соглашаться и высказываться строптиво. Начинаю говорить, что не обязан молчать. Ну, и всякое прочее также продолжаю объяснять.

— Отставить разговорчики! — приказывает капитан.

В помещение дежурного входит майор Тамаров.

Капитан, словно его подбросило пружиной, быстро поднимается со стула:

— Доставлены виновники происшествия. Стрелял, как выяснилось, маленький. Тот, что в ботинках. Он старательно отмалчивается. Тот, который побольше ростом и в сандалиях, — наоборот. Пряма-таки болтун. Остановить невозможно.

С изумлением смотрю на старательного дежурного. Пусть Валерий Ладейнин разговорчивый, но ведь не болтун же!

На губах капитана — улыбка.

Думаю: с чего он здесь развеселился? Странно видеть двух молодцов, которые на свой страх и риск связались с фашистом, затеяли громкую пальбу? Этим бойким шустрякам подавай парабеллум, чтобы лазать по развалинам, отстреливать недобитых гитлеровцев? Нет, не нужно нам ничего из развалин подавать! Случайно всё получилось.

— Товарищ майор! — официально говорю коменданту. — Пусть товарищ капитан не улыбается.

Тамаров удивленно вздёрнул бровь.

Капитан развел руками, покачал головой. Можете, дескать, послушать тут всякие речи, если есть желание.

Тогда комендант говорит:

— Сейчас разберёмся. Марш за мной, молодёжь!

Он направился в свой кабинет. Мы пошли следом, не зная, что ожидать теперь от здешнего начальства.

Под комендатуру занят обычный двухэтажный дом. Он скорее всего был рассчитан на одну бюргерскую семью. Дежурка — на первом этаже в бывшей кухне. Из неё лишь плиту убрали, но крючочки для ножей и полотенце по-прежнему красовались в углу около окна.

Кабинет начальника — в гостиной второго этажа. Поднимаемся туда по деревянной лестнице. Резные дубовые перила с амурчиками: младенцы, толстенькие и гладенькие, резвятся на столбиках, поддерживающих перила. Вид у них безмятежный, очень глупый.

Местные бюргеры — это заметно — обожают амурчиков. Они в уцелевших домах прилеплены где попало — хоть к стенам, хоть к потолкам. В кабинете коменданта печка тоже обложена голубой плиткой со всякими там фигурками. Ливров считает меня болтуном, иначе я сказал бы ему, что не нужны эти голые малыши по всему дому. Уверен: капитан согласился бы, изменил своё мнение о нас в лучшую сторону.

Тамаров садится в кожаное кресло.

Мы стоим без движения. Стоять посреди комнаты под суровым взглядом коменданта вряд ли кому понравится. Во всяком случае виновникам перестрелки, Самопалову и мне, здесь неуютно. Приятель вздыхает, поёживается.

Майор говорит:

— Всё имеющееся оружие сдать!

Перед Тамаровым лежит наш парабеллум. Какое тогда оружие мы должны сдавать дополнительно?

Дружок косится на пистолет, пожимает плечами, и уже не вздыхает он — молчит как убитый.

Вспоминаю, что у меня есть палаш. Точнее, нет его. Мы не нашли саблю. Она спокойно лежит где-то в земле. И что я должен теперь говорить? Нет никакого смысла рассказывать всю долгую историю холодного оружия.

Колян виновато переступает с ноги на ногу:

— Тут оно всё.

— Отлично, — говорит майор. — Однако не так, чтобы всё было отлично.

Он берёт парабеллум.

Пистолет теперь преспокойно полёживает в широкой ладони коменданта. Тамаров нюхает «машинку» Самопалова, словно перед ним кусок сыра. Качает укоризненно головой:

— Запах пороха. Нехорошо. Ведь это нехорошо, а?

— Извините, — подаю голос. — Так получилось. Первыми открыли огонь вовсе не мы.

В дверь постучали. Вошёл уже знакомый нам Ливров. У него озабоченный вид. На лбу скобкой застыла морщина.

Словно от непомерной тяжести фигура дежурного начала сгибаться. Кожаный ремешок, пересекавший выпуклую грудь и пропадавший под погоном, стал обвисать. Капитан озабоченно ссутулился, его хромовые сапоги

проявили озабоченность также: зазвучали вполне озадаченно — скрип-скрип.

Таким макаром он проскрипел мимо нас. Склонившись к Тамарову, стал негромко докладывать:

— Неожиданность. Заявилась гражданка. Сказала, что из Парижа. С ней мальчик. Тоже русский.

Ливров явно выбит из колеи. Проглатывая слова, шепчет про список воинских частей. Полк, о котором говорит странная гражданка... дежурный понятия не имеет...

— Если б знал, — заканчивает таинственную речь, — нельзя ставить посторонних в известность...

Комендант слушает, морщится: из доклада мало что поймёшь. Толком не разобрать, какие люди пожаловали в маленький городок. Я бы на месте Тамарова обязательно сбегал в дежурку. Надо поглядеть на столь редких гостей.

Но у майора сила воли железная. Позавидовать можно. Он строго посмотрел на согнутого помощника:

— Разберитесь там сами. У вас достаточно прав.

Строгость коменданта мне нравится. Решаю высказаться в поддержку армейской дисциплины:

— Товарищ майор, а товарищ капитан вошёл не по уставу. Он забыл, как полагается обращаться к старшему по званию. Ему надо исправить свою ошибку.

— Как это? — Ливров с изумлением смотрит на того, кто вдруг подал голос.

Не просто удивлён — он явно потрясён словами пацана.

Вот и хорошо. Нечего было подшучивать над нами. Будь у него оружие в руке — сам бы пальнул в сторону заполошно отчаянного фабриканта с громким пистолетом.

— Товарищ майор! Должен товарищ капитан ещё раз войти и сказать: «Разрешите обратиться!»

У папы в тумбочке лежат уставы: и дисциплинарный, и тот, который для внутренней службы. А также — для караульной. Понятное дело, на тумбочку никто замка не вешал. Защёлка не преграда для меня. Книжечки уставов держал в руках и даже читал. Да, некоторым тут известно, как справляют военный по-

рядок, как нужно обращаться к начальству.

Однако мои знания не понадобились. Тамаров поставил точку:

— В советах, Ладейнин Валерий, не нуждаюсь.

Распаренный Ливров отправился в свою дежурку. Наверное, там ему тоже придётся попотеть. Иностранная шпионка, желающая раздобыть список воинских частей, — это ведь не подарок дежурному, правда? Вот пусть он и покрутится там. Мысли у меня были злорадными. Но уж какие были, всё по-честному.

Начни я врать и притворяться чинно-благородным — как любому поверить, что наши мыкучу денег? И напугали до смерти фашиста в бункере? Нужно признаться, трудно и самому понять!

Стою рядом с Коляном. Слушаю майора Тамарова. Что мне в нём нравится? Вовсе не потешается над нами, как Ливров.

Не повышая голоса, ведёт речь: нас, мальчиков городка, основательно подковывает. Волковывает, что пистолеты и автоматы нужны лишь солдатам и необходимы они для защиты Родины. Только для этого.

— Доведите до сведения ребят, которых знаете. И чтобы через день всё найденное ими оружие было сдано в комендатуру. Ясно?

— Так точно! — чеканит Самопалов, вспомнив свое армейское прошлое.

Если говорить о моём дружке, самое время объясниться. После того как отыскались его родители, он был оставлен в боевой семье старшины и медсестры. До конца войны числился в составе тылового подразделения. Сыном хоззвода его не называли. Однако носил форму военную исправно. И в армейской службе знал толк.

За дверью раздался шум. Послышался несогласный женский голос:

— Где комендант? Не поеду в Берлин. Ишь, что выдумали! Мы сюда на пяти поездах добрались. И теперь — назад? У меня сын болен!

Доносится голос Ливрова. У капитана свои соображения:

— Чем болен?

— Он спать хочет!

— Это не страшно. Всю жизнь болею. И ничего. Даже не обращаюсь к врачам.

— Оставьте шутки. Пустите к начальству.

Не знаю, что подумал Колян. А мне ясно: не выдержать Ливрову натиск женщины из Парижа. Она пол-Европы проехала, добираясь до кабинета коменданта. И к Тамарову она попадёт обязательно.

Майор внимательно смотрит вначале на Самопалова. Потом — на меня.

— Вот что будет. Поговорю с родителями, чтоб не шибко наказывали за парабеллум. Однако уговор насчёт ваших друзей остаётся в силе. Никаких пистолетов и автоматов!

— Есть уговор! — радостно крикнул Самопалов.

Дружка понять можно. Его отец не зря ходит в старшинском звании. У него запросто можно схлопотать долгий домашний арест. За это самое, за владение оружием без разрешения.

— Большое спасибо! — говорю коменданту в свою очередь.

При этом не теряю долю мысленной расчётливости: «Тамаров по справедливости рассудил всё. У меня скоро день рождения, и майор ничуть его не испортил. Обязательно пойду и — лично! — позову к нам. Пусть ему будет некогда, но главное ведь пригласить, верно?»

КОСТИК ИЗ ПАРИЖА

Мальчик из Парижа мог гордиться своей мамой. Не побоялась Ливрова с его металлическим голосом.

Мне уже было ясно: французская путешественница вовсе не коварная шпионка. Шумно и уверенно ведут себя скорее дома, среди своих. В гостях и среди противников всё-таки стараются грохотом не выделяться.

— Уйдите с дороги! — парижанка отёрла дежурного в сторону, втащив к нам полусонного мальчика.

Он клевал носом. Искал взглядом местечко, где можно было приткнуться, подремать. Не было ему никакого дела до меня, Коляна и всех прочих.

— Костик! — скомандовала мать. — Ложись на кушетку. Отдыхай.

В комнате, возле печки, стоял небольшой диван, обитый весёленьким розовым шёлком. Пока что не заменили мебель здесь на более подходящую.

Этот соня ложится на красивый бюргерский шёлк по соседству с амурчиками на стене. Закрывает глаза и сразу напрочь отключается. Пряма-таки умирает от своей привязчиво крепкой болезни.

— Готов! — заявляет дежурный.

— Что такое?! — удивляется комендант.

Ливров объясняет в подробностях:

— Он у меня как сел напротив стола, так и давай «лечиться». Вовсю начал посапывать. Мамаша еле растолкала сыночка. Вот привела, товарищ майор, к вам в кабинет. Он здесь спать будет.

Вслед за тем поворачивается к парижанке:

— Долго будет?

Капитан не то опять шутит, не то спрашивает всерьёз. Однако эту женщину сбить с толку непросто. Она решительно подступает к Тамарову:

— Видите?

Тот не спешит говорить. Смотрит, но будто ничего не видит: пусть вначале объяснят, что происходит.

— Вы люди или нет? Я куда пришла? Вы должны понять жену офицера. Назад в Берлин не поеду, — мать сони оказалась никакой не иностранкой. И получается что? Отец спящего мальчика, боевой командир, ждёт не дожждётся приезда своей семьи в наш военный городок.

— Люди мы понятливые, — встаёт майор, подавая мне и Колянну знак, чтоб в два счёта исчезли. — Но вы заявили в комендатуру. Не в гостиницу. И здесь, в служебном кабинете, никому отсыпаться нельзя.

Спорщица непреклонна: никуда отсюда не уеду, пока не разыщете моего мужа. Она садится на диван рядом с мальчиком. Глаза у неё, как говорится, на мокром месте.

— Постараемся найти, — Тамаров пытается успокоить её.

Никто не просит меня делать выводы и поспешно соображать. Намекают лишь, что шустрому Самопалову и не менее шустрому Ладейнину пора оставить тут парабеллум и поскорей испариться.

Однако начинаю припоминать кое-какие обстоятельства:

«Им, конечно, переночевать негде. Гостини-

цы в городке нет. Только ведь комната садовника на третьем этаже стоит пустая».

Плакать женщина не торопится. Зато обрушивает на коменданта ливень слов:

— Мы проделали длинный путь. Из Парижа ехали на телеге. Добрались в райцентр, оттуда подхватила попутка, доставила на станцию. В областном центре — пересадка. Двинулись в Москву, а потом из столицы — в Берлин. Как попасть в маленький ваш городок из Берлина, сами знаете. Пять пересадок, движение пока что нерегулярное, бесконечные остановки. Взрослый человек и тот выбьется из сил. Из-за нервного напряжения мальчик не может заснуть вторые сутки. Я тоже вся на нервах. Кругом немцы, и, если швырнут нас под колёса, — поминай как звали. Небось, не всех ещё гитлеровцев выловили?

— Не всех, к сожалению, — соглашается Тамаров.

— Значит, у меня есть причина беспокоиться, — говорит она и подсказывает коменданту номер воинской части, где служит офицер, отец этого Костика, спящего исключительно крепко.

Потом продолжает свой рассказ:

— Муж прислал семье вызов в Германию. Мы в Париже собрались и без промедления поехали.

Ливров тут как тут со своими объяснениями:

— Подсказываю женщине. Нет у нас в городке части с таким номером. И неизвестно, где она находится. Узнать о её месторасположении можно только в Берлине. В Главной комендатуре. Туда следует обращаться за справками, а не к нам.

— Всё понятно с воинской частью, — прерывает дежурного майор. — С Парижем, дорогая гражданка, не совсем ясно. Как там оказались?

— Разве не поспешила сказать? — удивляется та.

Тамаров даёт оценку ситуации, которая взяла и непреклонно сложилась: выходит, гостя проявила забывчивость.

— До войны мы жили в Ростове, — улыбается та. — Затем понадобилась эвакуация на восток. Попали в далёкое степное село. Оно издавна имеет это название. Почему вдруг Париж? Наверное, так стало ещё с тех времен, когда прогнали Бонапарта из французской столицы.

Что мне оставалась делать? Только подпрыгнуть. И крикнуть:

— Колян! Это ж русское село! А мы думали... Да пусть парижане отсыплются в нашем доме! На третьем этаже!

У коменданта сердитое лицо. Ясно, что человеку хочется рывкнуть на непослушных подсказчиков. Им сказано идти домой, однако не хотят они поскорей вымётываться.

Сдерживается, не рывкает. Но высказывается очень серьёзно:

— Бегом марш из кабинета!

Выскакиваем из дома, что с голенькой малышкой на лестнице. Лёгкими перышками — словно только что нас вытащили из перины — летим домой. Передряг сегодня было много, но выкрутились удачно.

— Ты не жалеяй о пистолете, — утешает меня приятель. — Можно ведь найти что-нибудь другое.

— Понятное дело. Нам оружие теперь не нужно.

О развалинах окраины мы уже забыли. Бегим по центральным улицам. Они здесь тщательно подметены.

Хотя увидишь ты дома с провалами в стенах, всё же и вызывающей неряшливости, и бесхозного мусора мало. Тяжести послевоенного времени городок желает по возможности сгладить.

Когда у местных есть возможность выглядеть получше, они её не упускают. Вот за поворотом улицы — парикмахерская. Разве пустует женский зал? Почти половина кресел занята. В мужском зале народу, правда, куда меньше.

Мы пролетаем мимо стёкол парикмахерской — больших, протертых до зеркального блеска. Сворачиваем в темноватый переулок, где вместо асфальта старая каменная мостовая. Здесь теснятся затейливые постройки столетней давности. Тротуара уже никакого нет. Бежать по булыжникам неудобно, переходим на шаг.

Пешеходов не наблюдаем, пусто кругом. Видим вывеску: змея изгибается над глубокой чашей.

Как по команде останавливаемся.

Замираем. Молча смотрим друг на друга. Разве собирались навестить аптеку? Не было такого уговора.

Колян чешет затылок:

— Можно, конечно, посмотреть.

— Вот она, аптека Ротфельса, — сообщаю приятелю то, что всем в городке известно. На место происшествия ноги сами привели нас. Но уж как получилось, так получилось. Надо что-то делать, а стоять здесь и тарашиться друг на друга вовсе необязательно.

Дверь аптеки отворилась, выпустила посетительницу с хозяйственной сумкой.

Рассуждаю вслух:

— Люди тут всё ж таки ходят. Почему нам не зайти? Когда есть неплохой повод, тогда...

— Ладно, — говорит приятель. — Повод будет такой. Что сейчас болит у тебя?

— С утра если... Нет, всё в порядке. А у тебя?

— Ну, какая незадача! — возмущается дружок. Его понять нетрудно. Надо срочно почувствовать недомогание, однако ничего такого не чувствуется. Хоть разбейся в лепешку.

Нужно усиленно думать. После размышлений приходит мысль: «В конце концов, промочили мы ноги или нет? В бункере было полно жидкой грязи. Все подтвердят, что у нас была возможность простудиться».

В немедленности объясняю Коляну:

— У кого капельки пота над переносицей? У тебя. А какое дыхание у Самопалова, стрелявшего среди самолётного ангара? Шумное и горячее! Раз температура есть, тогда может болеть живот. Человек имеет право идти в аптеку за лекарством.

— За касторкой, что ли? Очень нужно! — приятель явно против. Ему кажется, что у меня мысль напоить его слабительным.

Его опасения понятны. Но всё-таки мои соображения были не такими уж страшными. Спокойно можно идти к Ротфельсу, просить бутылочку малиновой, приятной на вкус воды.

Витаминов там — навалом. К тому же этот целебный напиток имеет свойство понижать лихорадочный жар.

— Пей на здоровье! Не забудь мне оставить глоточек!

— Пошли! — решительно заявляет дружок. Первым открывает дверь, и она, стянутая пружиной, захлопывается за нашими спинами с громким треском. Смело вваливаемся в аптеку, и сразу у нас языки немеют.

Здесь словно буря недавно прошла, хотя видно, что Ротфельс постарался прибраться.

Побитые склянки уже убраны. Поломанные полки, где хранились лекарства, лежат огромной кучей у задней стены.

— Добрый день, — говорит аптекарь.

Он сидит на складном стульчике возле прилавка. Из-под сизых кустистых бровей глядят на посетителей печальные усталые глаза.

Отвечаю на приветствие по-немецки. Самопалов не издаёт ни звука. Наверное, именно сейчас не желает выдавать тут что-нибудь малопонятное, напрочь смешное.

Ротфельс медленно поднимается, двумя руками опираясь о прилавок:

— Вы полагаете, здесь гулял слон? Нет, аптекарь кое-кто решил проучить за то, что некоторые не против сотрудничать с новой властью. Кое-кому хочется, чтобы в городе не было аптеки. Однако всё равно будет она работать. Если сегодня у меня мало товара, завтра его станет больше. Русский комендант обещал снабдить лекарствами. И тот сдержит своё слово. А эти нехорошие господа... которые... которые убили... — Он снова садится на свой стульчик. Низко опускает голову с редким венчиком волос, и она почти пропадает за прилавком.

Кажется, молчание в тягость Самопалову. Он дёргает щекой, словно желает что-то сказать по-немецки, но тут же останавливает себя. Не получилась бы какая развесёлая штука. Начинает кашлять.

— Что угодно молодым людям? — выпрямляется аптекарь.

У него нет желания выглядеть в наших глазах жалким. Нет, пусть все жители городка знают: Ротфельс не отступит. Он по-прежнему на своём посту, потому что болеть и беспомощно умирать людям совсем не обязательно.

— Ему, — без долгих разговоров показываю на приятеля, — нужно лекарство. Не найдётся ли здесь малиновой целебной воды?

— Ещё вчера была. В стеклянных бутылочках. Теперь не осталось ни одной. Они, как можно понять, разбиты. Но скоро всё будет как надо. Уверяю вас.

Выскакиваем из аптеки. Проносимся по улице. Свистит в ушах ветер. Мелькают фонарные столбы, обновленные урны для мусора, подъезды. Потом бежим мимо кустов сирени за низкими заборчиками, которые не

столько ограждают отдельно стоящие дома, сколько подчёркивают новую ухоженность цветников.

Не стреляют пушки. Не взрываются бомбы.

Можно спокойно подстригать сирень, красить заборчики. Кидать бумажки в урны возле подъездов, зная, что мусор будет рано утром убран на городскую свалку.

После войны жителям хочется с новым старанием заниматься мирным благоустройством городка, всякими домашними делами. Разве их вина, что сейчас плачет Ротфельс у аптечного прилавка?

Нацисты мечтают опять взять власть. Они ждут своего часа. Не дождутся. Им не удалось запугать Ротфельса. Есть среди немцев и другие отважные люди. Они помогают своему бургомистру. По ночам ходят с карабинами по тёмным улицам. Антифашисты не боятся встречи с недобитыми гитлеровцами. После кровавых фашистских преступлений очень решительно все тут настроены. Поэтому у наших военных к честным германцам уважение.

— Колян! — на бегу подсказываю другу. — Тебе нужно подучить немецкий!

— Сделаем! — кричит тот в ответ.

О чём крутятся в голове мысли?

Фашисты переоделись в форму наших офицеров. Это необходимо запомнить. У меня и Самопалова нет теперь никакого оружия. Ну и что? У нас есть ноги, и мы бегаем повсюду, где пожелаем. Хоть по городским улицам, скверам, а хоть и по развалинам бывшего аэродрома. Уши у нас тоже имеются. И глаза. Если что, мимо нас гитлеровцы — уж постараемся — вряд ли пройдут незаметно.

В саду за нашим домом идёт большая перекопка. Хозяйка спрятала своё добро сразу в нескольких местах. Но открывать тайны кладов не спешит.

Подхожу к одному из тех, кому поручено достать из земли фашистское богатство. Он отставляет лопату в сторону, вытирает мокрую шею платком.

Лицо молодое. Острый кадык, впалые щёки. Дрожат от усталости его пальцы, когда из нагрудного кармашка достает сигарету. Парень,

как и бургомистр, явно побывал в немецком концлагере.

Он кивает, отвечая на приветствие:

— Меня зовут Руди Шёнберг.

Если перевести фамилию, получится Руди Прекрасная Гора. Звучит странно, но красиво.

Хочется узнать, какая у него здесь должность. Догадываюсь, что передо мной полицейский, однако его ответ более многословный:

— Я тут в качестве представителя новой власти.

Его слова настолько солидно звучат, что прекращаю расспросы. В смущении показываю парню тот уголок сада, где нами найдены монеты.

— Там, наверное, много денег. Стоит ещё покопать.

— Хорошо, — говорит он. Щёлкает зажигалкой, закуривает. — Всё проверим. Если будут другие подсказки, не стесняйся, выкладывай.

— Других пока нет, — поворачиваюсь, иду к себе домой.

Есть надежда, пошарив кое-где в буфете, найти бутерброд. Чтобы угостить представителя власти, у которого такой острый кадык, такие худые щёки и такой доброжелательный характер.

У нашего подъезда — легковая машина. Вижу Костика из Парижа. Он дремлет, сидя на чемодане. Похоже, суматоха в доме и вокруг несколько его не беспокоит. Колян тоже тут. Он сидит на корточках, заглядывая Костику в лицо.

— Спит как бог! — восклицает дружок.

ДОГАДКИ

Найти воинскую часть, где служит родной отец спящего парижанина, оказалось делом не очень сложным. Нашёлся у боевого командира внимательный однополчанин. Легковушка, что вскоре отправилась к офицеру Суранову, заимела право прозвать верную дорогу. Так что пришло время отправляться машине туда, куда надо, а мне — посидеть на заднем сиденье рядом с Костиком. Довольный поглядываю влево, вправо и вперед в отмытые, прозрачно чистые окошки.

Выезд со двора узкий. Лакированное крыло едва не зацепило стойку ворот. Возле бокового

стекла нашей машины промелькнул чугунный завиток створки. Проскочив ворота, автомобиль резко повернул.

Рассерженными ужами шипят резиновые шины. На крутом повороте меня прижимает к дверце легковушки. Ручка, опускающая соседнее стекло, впивается в локоть: с другого бока на меня валится Костик.

Если не подтолкнуть его, всю дорогу будет спать в мне. Попытка не пытка, и я стараюсь отодвинуть сонного пассажира на прежнее место.

Прямо передо мной — папин ординарец Виктор. Над полоской белого подворотничка наливается краснотой шея Семакова, которого я хорошо знаю. Шоферить полагается ему, но подполковник Ладейнин, мой папа, предпочитает сегодня сам вести легковушку, и это сильно огорчает подчиненного.

Бывший до войны шофёром, Виктор любит машину так, что не передать словами. Считает, что при поездках подполковника всегда за рулём должен быть именно он, постоянный ординарец.

Автомобиль мчится, набирая скорость. Вжик — мимо комендатуры. Вжик — остаётся позади небольшой окраинный домик со ставнями белого цвета. Вот пропал напрочь просмоленный до черноты телеграфный столб, и за обочиной, припорошенной пылью, поплыло пшеничное поле.

Мы с удовольствием везём парижан.

Желается парню — пусть задаёт хоть самого отчаянного храпака. Такое получилось у внезапных гостей стечение обстоятельств, и мы все готовы оказать путешественникам подмогу.

Мама сони — та сидит на заднем сиденье вместе с Костиком и мной — неотрывно глядит на дорогу. Иногда на её лице появляется улыбка.

Она при всём том волнуется. Кажется, до сих пор ей не верится в неожиданное счастье. Вдруг начинает что-то напевать, а то вдруг принимается вытирать глаза. У неё даже платочек наготове для тех капелек, что иногда каплют с ресниц.

Ей и Костику здорово повезло.

Тамаров не стал отсылать путешественников за справками в далёкий Берлин. Комендант

поговорил с нашими офицерами. И что оказалось? Как раз мой папа знал полковника Суранова, отца семейства, что прибыло из Парижа. Они дружили, вместе воевали с гитлеровцами, дошли до польской реки Сан, где папу ранило и он попал в госпиталь. Суранов остался цел, пошёл дальше на запад. Встретились они много позже, в Германии.

Поэтому подполковник Ладейнин сказал комеданту:

— Самолично доставлю семью к Суранову. Заодно проведу фронтового товарища.

И вот мы направляемся к полковнику на папиной «Симке». Едем уже долго, а дороге что-то конца нет.

Снова устраиваю Костика на привычном, обжитом уже месте, спрашиваю:

— Скоро доберёмся?

Никто не отвечает.

Семаков знает толк в армейской дисциплине, ему возникать не с руки — как и положено, не лезет поперёд батьки в пекло. Жене полковника ответить на мой вопрос затруднительно, и она в свою очередь отмалчивается дипломатично. Никаких затруднений, конечно, у папы нет, однако не отвечает из принципа. Не любит, когда пристают к водителю, отвлекают от дела.

Против его принципа спорить не приходится. Но характер есть характер: он заставляет меня продолжать недовольные речи. Это иногда можно, однако же в меру — чтобы папа не рассердился.

— Мчимся так, что голова кружится, — заявляю как бы между прочим.

Подполковник Ладейнин, не вступая в разговор, переключает скорость. Шестерёнки в двигателе старенькой легковушки недовольно принимаются брякать.

Поворчав, мотор завёл новую песню. Более плавную.

«Симка» сворачивает с осевой линии ближе к правому краю шоссе и не торопясь катит дальше. Но ведь трудно удержаться от дальнейших высказываний, когда тебе скучно, верно?

— Ползём по-черепашьи. Весь день будем ползти?

Виктор ёрзает. Между колен у него стоит автомат, чей ствол начинает описывать колечки.

Семаков горит желанием вступить за Ладейнина-старшего, к которому пристаёт вздорный мальчишка.

Ординарец не спешит с упрёком, а всё же мне понятно, что переборщил.

Что там подумала мать сонного Костика, не знаю, но её слова оказались очень и очень кстати:

— Извините, Валерий Гаврилович. Хотелось бы услышать, как долго нам ещё ехать?

Валерий Гаврилович — это водитель. Исключительно молчаливый подполковник, которого из пушки не прошибёшь. Не то чтобы ему взята и рассердиться на разговорчивого сына.

На этот раз у папы другой принцип: «парижские» гости не должны больше расстраиваться. Он обстоятельно рассказывает Сурановой о том, что её интересует.

— Флора Сергеевна! Удивляюсь всё-таки. Ведь рискнули в одиночку махнуть через всю Германию! Разве Иван Гурьевич не сообщил вам о здешних порядках?

Суранова смущённо улыбается:

— Написал Ванечка. Как полагается, встретили нас на вокзале в Берлине и сразу в гостиницу определили. Сказали, что мужа известят, он приедет за семьей. А в гостинице что? Много наших женщин с детьми. Некоторые живут неделю, а то и больше. Пока извещение дойдёт туда, куда надо... пока офицеру оформят командировку в Берлин... долгие дни идут себе, идут. Вот, значит, и решаю: едем к мужу сами — и будет ему сюрприз.

— Отчаянная вы казачка, Флора Сергеевна.

— Точно! — обрадовалась та. — Я ведь родом из бывшей станицы Усть-Медведецкая. Сейчас она город Серафимович.

— Говор знакомый. И решительность ваша сродни смелости куртлаковских молодежи.

Она решает поддержать разговор:

— Вижу, что сами с Куртлака. Верховья реки от нас недалеко.

— Вы правы. И хочу сказать, что рад встрече.

Суранова сияет: можно поговорить о родных местах. Алеют от довольства ямочки на щеках.

Виктор Семаков хмыкает. Ему удивительно: ишь, как оно бывает! Половину Европы проедешь, заберёшься в отдалённую германскую провинцию. И тут, на перепутье дорог,

повстречаешь вдруг земляков. Такая неожиданность как счастливый подарок судьбы. Подарочный факт готов отпраздновать даже он, всегда сдержанный подполковник Ладейнин.

— А батюшка ваш, Флора Сергеевна, был учителем, — внезапно произносит, улыбаясь.

Общую радость можно бы и разделить, однако на этот раз до меня плохо доходит: откуда берутся догадки?

Семаков крутит затылком и ставит автомат между колен понадёжней. Как есть устойчивей. Хотя тот не собирался быть ненадёжным.

Складывается очень странная ситуация. Люди в первый раз видят друг друга, и выясняется что? Один знает о другом — нате вам! — много всякого разного.

— Почему был? Он и сейчас учителствует, — сообщает Суранова. — Старенький, правда, но ещё бодрится. Пойдите, вы с ним знакомы?

Водитель сегодня на удивление разговорчив. Он поправляет зеркальце, через которое посматривает на меня и мать спящего Костика. Хитровато прищурившись, отрицательно качает головой, разъясняет:

— Никогда не видел вашего родителя. И мне о нём никто не рассказывал.

Суранова ничего не понимает: редкая осведомленность взялась непонятно по какой причине.

Она, словно испугавшись, широко раскрывает глаза, громко приказывает:

— Сейчас же скажите! Откуда вам известно...

— Неизвестно, однако знаю.

Ещё минута — и мать здешнего Костика рассердилась бы, как говорится, не на шутку. Впрочем, все события у нас в достаточной степени удивительные. Так что не только она, также Семаков и я были тут в очевидном, довольно сильном недоумении. Подполковник Ладейнин ни с того ни с сего показывает фокус-покус по первому разряду, как вам это нравится?!

Тот миролюбиво крутит руль автомобиля, спокойно поясняет:

— Вспомните сыщика Шерлока Холмса. В основе его догадок всегда что? Знание фактов, их правильное понимание. Какие факты мне пришлось связать? Россия накануне Первой мировой войны. Казачье поселение, где из наук в чести лишь военная подготовка. Там кто догадался бы назвать свое дитя Флорой? Толь-

ко вольнодумный учитель, любитель естествознания, желающий дать своему ребёнку больше образования.

Мать сони засмеялась. Схватила сына за руку. Ей было нужно сейчас же дать ему как можно больше научных знаний?

Это осталось неизвестным. Но, между прочим, потом мы — цыганистый Самопалов, немецкая девочка Анна-Лора и я — выяснили: Костик умел соображать очень даже неплохо.

Через минуту Семаков уже не хмыкает. Он восхищенно стучает себя по затылку, сбивая пилотку на нос. Жест знакомый. Нечасто ординарец вот так упражняется с головным убором, однако не секрет, в чем тут дело. Решительный жест означает у Виктора восхищение своим замечательным командиром. Мне такую же пилотку носить нет нужды пока что. И стучать себя по затылку — также. А восторженно захохотать в свою очередь разве нельзя? У меня приступ смеха. Приподнятое настроение у матери Костика:

— Сколько себя помню, всегда была одна такая: и на улице, и в школе. Имечко настолько не ходовое — единственное в станице. Флора, фауна... Действительно, надо увлекаться естествознанием, любить природу, чтобы подарить дочери...

Её любопытство не угасает — становится сильней:

— Что ещё знаете про наших станичников?

Папа не торопится отвечать. Прибавляет машине ходу, не спуская глаз с неожиданных поворотов среди елей, выстроенных вдоль дороги. Вдали от Берлина тоже бомбёжки были, а всё же насаждения хвойных деревьев, гляжу, сохранились возле провинциального местечка.

Мощные чащи владимирского леса не похожи на здешние выверенные по линейке посадки. Однако некоторые деревья и высоки, и красивы. На них можно даже полюбоваться, вспоминая при этом могучие родные леса. Пока суть да дело, поглядываю в окошко. Между тем, хорошо поразмыслив, обдумав ситуацию, подполковник Ладейнин решает продолжить свои непростые отгадки:

— Вы любите петь, Флора Сергеевна. Любимая песня...

Крутнув рулем, он вписал «Симку» в новый поворот, запел:

— А у нас сегодня суббота...

В кабине старой легковушки пахнет бензином. И — резиновыми полосками, что охватывают боковые стекла по краям, защищая пассажиров от пыли. Однако та лезет во все щели, даже откуда-то снизу. В горле от неё першит.

Что очень хорошо — расстояние между нами и полковником Сурановым сокращается уверенно.

Наша автомобильная поездка была бы вполне обычной, если б не азарт, с которым водитель погнался отзвучившую машину. Если б не завел он в полный голос развеселую мелодию.

Слушатели поглядывали на певца. Им оставалось лишь изумляться. Потому что никто не улавливал связи между редким имечком и предпоследним днём недели.

Для папы не секрет, я способный парень, чтобы повысказывать своё мнение. Но тут вдруг взял и потерял дар убедительно способной речи.

— Уму непостижимо! — тихо говорит родительница Костика. — Не батюшка отвёл свою Флору в станичный хор. Это мама любила петь, и как раз она приохотилась ходить на спевки, а потом привела меня в клуб. Со временем там полюбились молодой певице «субботея». Не раз выступала с ней на сцене, и мое имечко разве подсказчик в этом случае?

— Совершенно верно. Не подсказчик.

— Видели меня когда-то на сцене?

— Не имел удовольствия.

— Тогда... что вам помогло догадаться?

— Фамилия, — обернувшись, подполковник Ладейнин раздельно, по слогам произнёс это слово, и снова принялся наблюдать за дорогой.

Песню продолжать не стал.

— Фамилия? — поразились беспокойная пассажирка.

Не одну Суранову заставили тут подивиться. Все без исключения были поражены чудом странного разгадывания.

Как там размышлял Семаков, не знаю. Приди Виктору на ум фамилия Субботина, выскажи он своё понимание, немедленно согласился бы я: недалеко ушла та от «субботеи».

Немой от изумления сажу, молчу, и глаза мои наверняка становятся различимо квадратными.

Подполковник Ладейнин задумчиво поествует:

— Фашист пока что границу не перешёл. Семейный праздник, и Суранов Иван Гурьевич на пару с женой, Сурановой Флорой Сергеевной, заводят «субботею». Самый канун войны. Об этом семейном уютном — довоенном! — празднике мне рассказывал Иван Гурьевич. Перед тем, как наша часть пошла в наступление на польской реке Сан.

— Сложилось одно к одному. День тот помню. Согласна, было такое, — голос нашей пассажирки дрогнул. — Я предложила, и мы с Ивановом пели мою любимую...

С левой стороны возник, пошел на обгон темно-синий «Мерседес». Его скорость была невероятно большой. Он обдал скромную «Симку» отработанными газами. Ветром даже покачнуло нашу машину. Лаково блеснувшее крыло мощного лимузина быстро начало уменьшаться — автомобиль, взревев мотором, неудержимо помчался вперед.

Мне подумалось: и куда несёт его? На пожар, что ли? В следующую минуту подпрыгиваю.

— Смотрите! Это они! Капитан и старший лейтенант!

ПОГОНЯ

Почему закричал?

Потому что наблюдались факты. Если их увязывать, как делал минуту назад дотошный водитель «Симки», то получалась картина достаточно интересная.

Налётчики приехали к Ротфельсу на машине. Но и здесь на шоссе вот вам она — быстрая и сильная, пожалуйста!

В аптеке налетчики были в форме капитана и старшего лейтенанта. Те, что сидели в кабине заполненного лимузина, имели военные звания точно такие же. И почему они мчались по-сумасшедшему? Зачем прятали — отворачивали в сторону — свои головы?

Наши не станут прятать носов. Каким-нибудь образом поприветствовать товарища подполковника — нет, не позабудут.

Если подполковник Ладейнин опешил от моего крика, то лишь на какую-то долю секунды.

Не хуже прочих знал о погроме у Ротфельса. Конечно, его тоже поразила прыть «Мерседеса». Странно было и то, что младшие по званию офицеры старательно выкручивали шеи в дорожной этой встрече. В чём дело?

Да, ему захотелось узнать, в чём дело. «Симка» помчалась вдогонку.

Корпус машины задрожал. Под днищем начали визжать шины. Водитель выжимал из легковушки все, что мог. Однако расстояние между нами и ушедшим вперед «Мерседесом» не сокращалось.

Костик что-то промычал, не открывая глаз.

Флора Сергеевна прижала его к себе.

Другая на месте жены полковника могла взять и потребовать, чтобы водитель высадил пассажиров. Если уж так необходимы здешние по Германии погони. Однако та не сказала ни слова. Соображала: затормози трофейная легковушка — и быстрый мощный, столь странный автомобиль уйдёт свободно.

— Если стрельнуть? — мой азарт слишком силен, чтобы здесь мирно помалкивать. — Виктор? По задним колёсам?

Автомат стоит у Семакова между колен, но ординарец подполковника Ладейнина бить по «Мерседесу» не спешит. Мои слова не указ для него. Понятно: он ждет приказаний от водителя.

Папа решает остановить ушедший вперед автомобиль другим способом. Несколько раз нажимает на клаксон.

Резкий звук сигнала несётся по шоссе. Виктор высовывает руку в окно, качает её, отогнутым большим пальцем указывая вниз, на плотно дороги. Семафорит — стоп, машина!

С разрывом в двести-триста метров два автомобиля несутся под уклон. В полукилометре виден мост через лесную речку. На опорах полуразрушенного каменного перехода нашими сапёрами поставлено временное сооружение. Низенькая деревянная мостушка не собиралась охотно привечать скоростную, могуче ревущую машину.

Не могу не порадоваться: «Сейчас кое-кто сбавит ход. Нет желания слышать клаксон? На этот переход придётся обратить внимание. Найдется одна поломанная доска — и запросто можно свалиться в воду. Разве ошибаюсь?»

Мои надежды не сбываются. «Мерседес» не

стал тормозить, он бурей обрушился на дощатый настил. Машину затрясло так, что распахнулась задняя дверца кабины. Она ударила по ограждению моста.

В реку сыплются деревянные обломки. Но машина выравнивается. Дверца захлопывается.

Бешено ревя, мощный автомобиль несётся дальше. Он быстро забирается на холм. В то время как наша легковушка тормозит. Идет юзом, пока не упирается передними колёсами в покореженный дощатый настил моста.

В двух местах он стоит колючими буграми — нахлынувшие торчат толстые острые обломки. В развороченных щелях видна тёмная вода.

Виктор выходит из машины. Ногами вперед и назад промеряет доски, одну отрывает и закладывает понадежней дыру. Сильным ударом сапога сбивает в стремнину реки упрямо торчащий обломок с длинными гвоздями. Они — и в этом нет никаких сомнений — способны все как один вонзиться, пропороть шину.

— Готово! — докладывает водителю.

Поскольку «Симка» потеряла инерцию, на холм она поднимается тяжело, с одышкой. Старается, пытит, дымя сизыми выхлопами, но больших успехов не наблюдается у нее. Всем, военным и гражданским, ясно: старенькой легковушке теперь черта с два догнать могучий лимузин. Однако ни у кого нет горячего желания обсуждать дорожное приключение. Ситуация в очевидности очень сложная. Непростая она даже для проницательного подполковника Ладейнина. Он сидит, молчит. И молчит, видимо, не случайно — обдумывает, сопоставляет факты. Поэтому лезть с расспросами, мешать ему не хочется ни мне, ни прочим, которые на все сто исключительно мирные пассажиры. Настолько спокойные, что некоторые по-прежнему спят без задних ног. У ординарца дополнительная незадача. Беспokoйно прислушивается, как бренчат железки притомившейся легковушки. Не по душе приходится ей быстрые погони. Она явно просит пощады.

Пусть «Симка» потрёпанная донельзя, пусть она трофейная, а всё же Виктор относится к ней бережно. Даже можно сказать — с любовью. Равнодушно слушать автомобильные «охи» ему не позволяет честная шоферская душа. Мне и то жалко старенькую машину.

— Запчасти нужны, — ординарец морщится от железного дребезжания. К папе вроде бы не обращается, однако понятно, кому адресована речь. — Скоро будет у нас утильсырьё. Вместо солидного транспорта.

Тому не впервой выслушивать жалобы Семакова. Он сочувствует Виктору. Но что здесь можно поделать?

— Машина, известно ведь, не отечественная, — говорит, похлопывая по доске приборов. — Ходит пока. Служит как может. С трудом приходится получать детали для отечественных машин, а все трофейные сидят на голодном пайке. Они бегают до первой серьёзной поломки.

— Так жалко всё же, — понурился Виктор.

Водитель не поддерживает дальше беседу о запчастях. Считает, что сказанного вполне достаточно для неугомонного Семакова.

Когда легковушка со своей надсадно воющей коробкой передач взобралась на холм, «Мерседес» уже превратился в чёрное пятнышко, подвигающееся к горизонту.

Шоссе расстилается перед нами идеально прямой лентой. Она, чистая и ровная, словно приглашает продолжить гонку.

Наш водитель не собирается резко увеличивать скорость. Двигаемся не так чтобы медленно. Однако и не так чтобы очень быстро.

— Правильно, — бурчит себе под нос Виктор. Он вроде бы говорит сам себе. Но показывает одновременно, что сердцем и душой на стороне разумно разговорившейся легковушки.

Кажется, что помалкивать больше никому не хочется.

Решаюсь высказаться также:

— Надо было вдарить по ним из автомата. Тогда не ушли бы.

Папа укоризненно покачал головой:

— Уверен, что встретили бандитов?

— Почти.

— Значит, полной уверенности нет. Правильно, Флора Сергеевна?

— Правильно, Валерий Гаврилович.

Подполковник Ладейнин — как человек расудительный — старается привести мои мысли в надлежащий порядок:

— Нельзя открывать огонь по первому подозрению. Война была недавно, она всем помнится. Но пороть горячку не торопились и тогда.

Не забывали разобраться в ситуации. А сейчас у нас мирное время. Есть возможность поосновательней разобраться. В любом случае комендатуру известим обязательно.

Сын полковника благополучно продолжает лечиться крепким сном. Мне вмешиваться в процесс не стоит. Смотрю на Суранову.

Как она? Здесь ей всё же не так спокойно, как в степном Париже.

Флора Сергеевна откидывается на спинку сиденья. Закрывает глаза: после пережитого надо успокоиться, прийти в себя. Вести до тошные разговоры ей, видимо, нисколько не желается.

Её спутник в путешествиях по Европе, поворочавшись и посопев, снова уходит в свою неотвязно усердную дремоту. Прошлые неприятности у него позади, новые скользят мимо, почти не задевая.

У парня лицо узкое. Нос тонкий, и на самом конце — нашлёпка. Блямбочка. Круглая такая картофелинка. Нет, всё-таки пора ему проснуться.

Сколько можно задавать храпака? От долгого сна у парня румянец. Как у тех пышущих здоровьем ангелочков, что в кабинете коменданта. Будь уверен, Костик, нет у тебя никакой болезни. Открывай глаза, вполне можем поболтать по-соседски.

Недолго, однако, длится безмятежное продвижение наше. Водитель, цепко держа руль, продолжает неустанно размышлять, и у него появляется новое, вовсе не лишнее соображение.

— Виктор, — подсказывает папа Семакову, — там карта в ящичке. Достань.

Ординарец выуживает немецкую книжицу. В ней обозначены все большие дороги, но достаточно и тех, что у нас в России прозываются просёлками. Другое дело, что им — почти всем — в германской провинции положено быть асфальтированными.

Приходилось раньше видеть эту, достаточно серьёзную, карту. Там на одной из страниц — коричневое пятно. Наш небольшой городок. Различишь сетку улиц, которые кое-где разделены зелеными кляксами. Таким образом здесь обрисованы скверы. Сколько их, не считал, но точно знаю: на улицах есть деревья с глубокими ранами от бомб и снарядов. Наше с

Коляном излюбленное место — после беготни по городку мы не против посидеть — лавочка в сквере около парикмахерской.

Открыв нужную страницу, подполковник Ладейнин показывает ординарцу коричневую нитку просёлочной дороги:

— Видишь? Имеем шанс обогнать этот резвый «Мерседес».

— Я готов, — тот не промедлил с ответным словом, придвинулся со своим автоматом поближе к приоткрытому окну.

«Симка» разворачивается, едет назад. Теперь уже скорее быстро, чем безмятежно и неторопко.

— Выяснили кое-что новенькое? — спрашивает Суранова.

— Сейчас, сейчас, — приговаривает папа.

Он смотрит по сторонам, нажимает на тормозную педаль. Отпускает её и лихо закручивает руль вправо.

Легковуха послушно сворачивает с более-менее просторного шоссе на проселок. Если точнее, то на узенькую подъездную аллею, что ведет напрямик к усадебным строениям. Они виднеются в глубине редкого леса. Дорога упирается в широкие двустворчатые ворота с амбарным замком на толстой цепи. Подозреваю: такой запор доставит нам кучу неприятностей.

Усталая «Симка» чихает, останавливается. Резкий звук автомобильного клаксона. Опять и опять. Впечатление такое, что никто не собирается прислушиваться к нашей машине. В усадьбе ни малейшего движения.

Папа с огорчением объявляет:

— Ничего не выйдет. Не проехать здесь. Путь накрепко перекрыт.

Суранова смотрит на ворота. Потом — на водителя. Ей непонятно, зачем надо было сворачивать сюда. Подполковник Ладейнин разъясняет:

— Карта что показывает? Большая дорога огибает обширную болотистую местность. Краешки дуги соединяются как раз проселком, проходящим через эту усадьбу. «Мерседес» вскоре начнет поворачивать. Окажется возле другого конца здешней линии. Можно его перехватить. Был шанс, но...

— Погудеть если снова, — сказала Суранова. — Пусть всё же снимут замок.

— Это можно.

Ответная тишина стоит такая... что называется, мёртвая. Нет никакой возможности объехать ворота.

Смотрю в боковые стёкла машины.

По обе стороны дороги — влево и вправо от нас — тянется насколько хватает глаз высокий забор с проволокой, натянутой на бетонные столбы. Здешний хозяин основательно огородил свою землю.

Поневоле возникает вопрос: он что же, тихо сидит в своем доме с тех пор, как выперли фашистов? Заперся и беззвучно сидит? Если не желает выслушивать нас... но ведь у пассажиров «Симки» важная задача. Им необходимо тормознуть подозрительный «Мерседес»!

Поведение здешних обитателей не нравится Виктору.

— Молчат, бродяги! Разрешите, товарищ подполковник?! Пойду. Разве сам не сумею открыть?

Суранова укоризненно качает головой:

— Помалкивают, не иначе как демонстративно. Виктор согласен:

— Умышленные они тут ходоки.

Папа не возражает:

— Если умышленные...

Семаков выходит из кабины. Дергает запор. Тот не собирается поддаваться. Дужка амбарного замка крепко держится, ей помогают железные ушки, приваренные к створкам ворот.

Виктор бьёт по ним автомобильной монтировкой. Металлические ушки гнутся, однако ломаться не спешат.

Тогда он отходит и кованым солдатским каблуком с разбегу бьёт в середину ворот. Повторяет свой боевой манёвр. Ещё раз и ещё. В доме — ни единого движения, тишина.

И вот одно из погнутых ушек отваливается, с громким дребезжанием створки разлетаются в стороны. Для продвижения «Симки» дорога свободна.

— Порядок, — докладывает подполковнику ординарец.

Мы аккуратно проплываем сбоку большого здания и увеличиваем скорость. Затем пересекаем лужайку, без лишнего шума проскакиваем парк с высоченными липами. Ни одной живой души не видно. Хотя лужайка ухожена и парк прибран.

Ситуация та ещё! Не продвигается наша старенькая «Симка» или мчится дальше по своей необходимости — все равно её седоки тут лишние. Мне, да и каждому понятно, что происходит. Гуди не гуди, мы в любом случае незваные гости.

— Игнорируют, — говорит Суранова. — А машине ехать надо.

Пусть легковушку не желают видеть, Флора Сергеевна довольна: важная задача «Симки» будет решена дружными путешественниками. Сложность ситуации не отменяет надобности действовать решительно. Раз колёса нашего транспорта снова крутятся, появляется возможность вовремя выскочить на перекрёсток.

СПАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ

О чем думал водитель, когда предложил Семакову сесть за руль? Наверное, о том, что ожидается в скором времени серьёзный разговор. В «Мерседесе» — офицеры при полной форме. У них на плечах знаки отличия, и перед такими людьми следует предстать достаточно солидно.

Когда руки у подполковника заняты рулем старенькой легковушки, он выглядит не очень убедительно, правда? Поглядишь издали и начнешь сомневаться: обычный военный клаксонит на дороге или не совсем уж простой шофёр... Приближается долгожданная минута встречи. И у меня только одна мысль: «Держитесь теперь, скоростники! Сегодня с вами поговорят!»

У Виктора манера вести машину особая: посылает её вперед не рывками, как папа, — нет, он плавно, скользяще продвигает её вперед. И она просто-таки стелется по асфальту. Легко повинуется нежному и в то же время властному управлению.

Смотрю на спидометр. Нужно опередить «Мерседес», однако скорость у нас пока что не очень высокая.

Шофер показывает высший класс, щадит легковушку? Думаю, напрасно старается. Даже если здесь он делает это по причине своей неискоренимой любви к «Симке».

Открываю рот, чтобы высказать недоумение. Набираю побольше воздуха. Посмотрев

на папу, рот немедленно закрываю. Подполковник Ладейнин многозначительно поглядывает в сторону хозяйского дома, однако не произносит ни слова. С какой стати мне тогда возникать?

С правой стороны к дороге приближается болотистая низина. Та самая, сумевшая заставить асфальтированную двухпутку выгнуться дугой. Не видать, конечно, того разлива, которому дозволено встречаться дома, в России. Тут ведь по-европейски тесновато, огромных озёр и широчайших низинных болот нет. Это вам не то что известная Приокско-Владимирская Мещера. Ладно, перевозю дыхание, всматриваюсь туда, в появившиеся из-за кустов крепкие железные ворота.

Перед нами — толстая проволока, опять амбарный огромный замок. Со всех сторон у здешних хозяев имеется надежная загородка. Наверное, водители «Симки» догадывались об этом фокусе, раз не сильно старались вперед гнать безоглядно.

Семаков отработанным способом вышибает створку, проезжаем ворота, и теперь уже наша скорость растёт с каждой секундой.

В просветах между деревьев мелькает насыпь со столбиками ограждения. Шоссе поднято над сырой долиной. Оно довольно широкое. Так что есть где разгуляться транспорту — хоть грузовикам, хоть скоростным лимузинам. Гляжу, асфальт пошел взбираться на дамбу. В ней зияли огромные отверстия для пропуска воды в дни проливных дождей. Страшенные, между прочим, дыры. Кое-кто... не поджидает ли там нашу «Симку»?

У водителя они всё же не вызывают особого беспокойства. Он лихо крутит рулем, жмёт на педаль газа. Автомобиль мчит вперед, несмотря ни на что. Чтобы «Симка» попала на дамбу, нам полагалось свернуть на бетонную эстакаду, примыкавшую к высокой насыпи. Подъезд этот выглядел заброшенным. Вероятно, машины по нему с войны ещё не ходили: хозяева усадьбы им не пользовались, а всем прочим он просто был не нужен.

Вот объёмистые кучи гравия — три или четыре — возникли на пути легковушки.

Колёса немедленно загрохотали по камням. Потом шины с визгом заскользили к обочине.

Гравий щёлкал, бил по днищу машины. Железный остов несчастной старенькой «Симки» шумно протестовал против бульников на дороге.

Виктор осторожноничает. Теперь наша скорость невелика. Еле ползем по дороге.

Слышим крик:

— Стой!

К нам с другой стороны высокой насыпи бежал военнослужащий в нашей форме. Поодаль стояла там небольшая зелёная будка, и оттуда вышел офицер.

Семаков затянул ручной тормоз. Открыл дверцу. Сказал подбежавшему солдату:

— Правила нарушил? Что не так?

Тот, увидев выходящего из машины подполковника, отдал честь:

— Проверка. Всех останавливаем.

Подшли ещё двое солдат и лейтенант. Про «Мерседес» им было неизвестно. Однако ситуацию с черным лимузином они поняли без долгих разъяснений: знали о том, что случилось в городе.

Сообща решили таким образом. Лейтенант с подчиненными останавливают подозрительную машину. Семаков на «Симке» — в засаде за будкой, метров сто поодаль. Если «Мерседес» не останавливается, пытается прорваться, Виктор жмет на газ и перегораживает машиной проезжую часть.

Папа вооружается автоматом для подстрелки Семакова. Нас — Костика, меня и Суранову — приглашают в будку. Будет схватка не будет, но всё равно зрители на дороге лишние.

Скоростных беглецов не видать. Их нет как нет.

Время идёт, я сижу возле окошка за столом. В противоположном углу — железная койка с шинелью прямо поверх панцирной сетки, в другом стоит чугунная бургерская печурка. Скорее всего, она из соседней усадьбы. На конфорке фырчит чайник.

Костик сидит на своем стуле, клюет носом. Потом встаёт, идёт с закрытыми глазами — видит незанятую койку? — и укладывается на шинель спать.

Суранова наливает мне чаю в кружку. Угощает конфетами, привезёнными из России.

Развёртываю обёртку. По будке плывет весенний запах яблоневого цвета и ещё чего-то очень родного. Не знаю, сколько тут привезе-

но всякого сладкого, но, если будет добавка... нет возражений!

Мать Костика видит, что гляжу с тоской на свой небольшой кармашек. Чтобы не думала, будто перед ней обжора, встаю, протягиваю Костику вкусно пахнущую конфету:

— Тебе тоже не помешает.

Он силится что-то сказать. Отталкивает мою руку.

— Не трогай его, — говорит Флора Сергеевна. — У него сейчас что главное? Спокойно поспать!

Мне в голову приходит неприятное соображение. Про очень-очень долгий сон. Про тот самый, летаргический, который бывает пострашней иной болезни. Кто не знает о бедолагах, что способны отдыхать годами?

От такого соображения тебя непременно шибанёт током. Понятно, почему спешу спросить:

— Он теперь будет спать месяц? Или всю жизнь?

Громкая забота о судьбе Костика... оказалось, можно мне заботиться много аккуратней. Суранова вздрагивает:

— Какой ужас! — она достаёт платочек, вытирает глаза. — Не будет он спать всю жизнь. Успокойся!

Понимаю: болезненный летаргический отдых никого не обрадует. И тем более мать разоспавшегося на шинели румяного сына. Этого беспечного путешественника. Которому ничего пока не известно про «Мерседес».

Не везёт мне с беседами. Поговоришь с моей строгой мамой — тебе выговор. Захочешь порассуждать с Флорой Сергеевной, и что выходит вдруг? Она, конечно, добрая, мама «парижанина», посапывающего в караульной будке. Но ведь мы — посреди Германии, где ещё не все городки отстроились и не всех гитлеровцев выловили.

Думать нужно, когда начинаешь рассуждать. Иначе ведь получишь не совсем тот результат, на который надеешься.

— Извините, — говорю Сурановой. — Я не хотел, чтоб вы тут плакали.

Та прячет платочек. Улыбается:

— Ничего. Ты меня тоже извини. Бывают в жизни летаргические сны. Я тебя понимаю.

Вытерев глаза, успокоившись, мать Костика в задумчивости сообщает:

— Я тебя раскусила. Любишь придумывать всякие разности. Небось, достаётся на орехи?

Припоминаю неприятности последних дней. Честно говоря, их было больше чем достаточно. Приходится признаться:

— Бывает.

Плохое настроение Флоры Сергеевны вмиг улетучивается. На лице ямочки лукавые образуются. В глазах смешинки появляются:

— Фантазёрам надо иметь в виду... отношение всегда особое к их неожиданным словам.

— Откуда вы знаете? Ваш Костик тоже фантазёр?

Ответ прозвучал очень серьёзно:

— Нет. Скорее уж дотошный... как это говорят?... реалист.

Заскрипели дверные петли. Тонкая филенка от рывка задрожала, впустив в будку плотно сбитую фигуру лейтенанта. Именно этот офицер был тут, на контрольно-пропускном пункте, хозяином. Присев на стул, где не так давно располагался Костик, он несколько раз чихнул:

— Ветер над сырой долиной разгулялся. Наверное, продуло меня.

Флора Сергеевна предложила ему чаю. Тот охотно придвинул стул к нашему столу. Увидел конфетную обёртку. Разглядывая рисунок, простодушно-радостно заулыбался. Невысокий, но убедительно крепкопечий, он стеснительно морщил переносье. И не забывал докладывать Сурановой:

— Из Москвы, гляжу! Эх, так хотелось побывать в столице! Не вышло. До войны шахтером был в Донецком бассейне. Собирался махнуть поездом в отпуск, ведь скорый у нас ходил до Москвы. Ан как раз и не успел.

Крылья носа и плотные скулы офицера были в мелких чёрных точках. Следы когда-то перенесённой оспы? Лейтенант заметил мой удивлённый взгляд, подмигнул:

— Обычная история. Угольная пыль въедается и быстро, и хорошо — лучше всякой татуировки.

Суранова поинтересовалась:

— Как там наши? Не замёрзли?

— Они уехали.

У Флоры Сергеевны, наливавшей кипяток в кружку, дрогнула рука. Тем не менее она в лице почти не изменилась. Лишь чуточку при-

поднимаются брови. И что продолжает делать мать реалистичного Костика? Лить кипяток. При этом ухитряется не утерять ни капли.

— Далеко?

Да, жена полковника — человек непростой. Хотел бы я видеть кого-нибудь, кто смог бы вести сейчас беседу более ответственно. Более сосредоточенно, серьёзно, внимательно. Хотя какая уж тут всем нам полная безмятежность?! Готов откровенно признаться: у меня в животе обозначился ничуть не долгожданный, довольно странный холодок.

Лейтенант благодарит присутствующих за угощение. Поясняет:

— Где «Мерседес»? Его нет, что всё ж таки достаточно подозрительно. Они поехали, подполковник и шофер, навстречу. Решили проверить дорогу.

Не помещает мне доложить Флоре Сергеевне, жене боевого командира: у подполковника Ладейнина есть отличный пистолет, — и я сообщаю ей новость без промедления. А то ведь она может подумать, что у наших лишь автомат против двух — наверняка хорошо вооруженных — бандитов.

Пусть она не думает, будто мой папа отправился в долгое путешествие, как говорится, налегке. В нынешнее тревожное время он всегда имеет при себе личное оружие. Пистолет «ГТ» не хуже какого-нибудь иностранного маузера. Знаю точно: он хорошо пристрелян, из трёх пуль две обычно попадают в центр мишени. Откуда известно? Мне дома позволялось ведь чистить воронёный ствол «ГТ» от порохового нагара — белой тряпочкой, на тонкий шомпол накрученной. Когда так случалось, то почему же домашним разговорам оказаться возле шикарного «ГТ» исключительно пустыми?

Лейтенант допивает чай. Надевает фуражку. Направляется к двери:

— Пойду к солдатам. По ситуации надо усилить контроль. Будем держать дорогу под особым наблюдением.

— Пожалуйста. Идите, — говорит мать сони без видимой тревоги в тихом голосе.

Бывший шахтёр не уходит. Топчется у порожка. Ему, как мне кажется, не по себе от подчеркнутого спокойствия женщины.

— Понимаете, я бы поехал с ними на перехват.

Только не могу оставить пост. Нам поручен контрольно-пропускной пункт. Никто не должен отлучаться. Наше дело — задерживать и проверять автомобили, выезжающие из города.

— Почему не понять? — вздыхает Флора Сергеевна. — Вполне можно понять.

Кто меня просил ещё раз вылезать с докладом? Наверное, тот самый характер, который не разрешает помалкивать.

Скрывать свою горячность нет смысла. Я, конечно, поторопился высказаться. И лейтенант смог немедленно сообразить: мы тут не какие-нибудь желторотики. Знаем, с какого конца винтовка стреляет. Ведь это правильно, как раз по уставу, — оставить пост никак нельзя. И не стоит здесь оправдываться перед путешественниками.

Что было — то было. И вряд ли только московский вкус конфет остался в памяти молодого офицера после встречи с пассажирами «Симки».

В своё оправдание обязан сказать: когда заметил улыбку вчерашнего шахтёра, быстренько закончил равнодушную речь.

Лучи автомобильных фар поплыли снаружи. Стекло полыхнуло малиновым огнём. Потом яркий отсвет стал слабее — наверное, машина отошла и встала на обочине в удалении.

Фигура начальника КПП мелькнула за потемневшим окном. В тумане вечерней мглы заколыхались неизвестно чьи тени. Суранова прикинула к стеклу, стараясь разглядеть: «Мерседес» объявился? «Симка» вернулась?

А может, прикатила подмога из воинской части городка?

Тени то сходились, то расходились.

Меня разбирает любопытство. Что же там за круговерть такая?

Открываю дверь. Снаружи включили карманный фонарик, и жёлтое пятно без спешки плывёт... Куда? Кажется, по направлению к нашей будке. На всякий случай вскакиваю в тёплое помещение, где по-прежнему калится печурка с чайником.

— Кто там? — спрашивает мать Костика.

Ответить если, то могу лишь так:

— Идут.

У двери гремят камешки под чьими-то ногами. Озабоченный, хрипло простуженный голос

начальника контрольно-пропускного пункта:

— Осторожно. Здесь высокий порожек.

Входит папа. Следом за ним — Виктор с автоматом. Лейтенант тихо, стараясь не разбудить Костика, прикрывает дверь.

Суранова встречает их вопросом:

— Все живы-здоровы?

— Вполне, — говорит папа. Молча садится за стол.

Что заявляет присутствующим? Ничего особенного не заявляет, ничего не делает, чтоб из ряда вон. Просто ставит перед собой пузырёк. Стегляшка солидно пузатая. Цвет её темно-коричневый.

В будке настроенная тишина. Каждый глядит на широкогорлый низенький сосуд, где при всём желании вряд ли заметишь хоть одного беглеца.

Любому тут ясно, что погоня вышла неудачной.

О чём присутствующие размышляют, не знаю. Что касается меня... Разве не видел такой же пузырёк? Да, но поди вспомни — где?

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Наше автомобильное продвижение к полковнику Суранову продолжилось. И, конечно, запомнилась ночная езда под звёздами, что мерцали в прогалах между фиолетовыми тучами.

Машина мчится по шоссе, где нет встречного движения. Немного жутковато. Потому что деревья, одно за другим, отступают от чёрного асфальта — словно пропадают в ямах позади покорных обочин.

Когда лесной строй закончился, дорога пошла тянуться посреди полей. Впечатление такое, что они тоже напрочь исчезают чуть подале. В каких-то бездонных провалах. Хочешь не хочешь, перед тобой — смолистая лента пустынного полотна. Больше ничего нет.словно никогда и не было.

Мрачную дорогу освещает лишь кинжальный свет фар, и она бежит при полном своём равнодушии под колеса автомобиля. Не обращает внимания на то, что вверху грозно сомкнулись тучи. Время от времени легковушка подает голос — брякает детальками. Не смолк бы надрывно кашляющий мотор! Если ты гля-

нешь подальше вперёд, почувствуешь: там предстоит всем нам окунуться в кисель, непроглядно вязкий и неприятно тёмный.

Но вот на повороте снова подступает к обочине лес. Все эти высокие деревья с толстыми зелёными ветками. Бронзовые стволы сосен вдруг начинают пламенеть в острых лучах «Симки», словно снизу доверху занимают пожаром.

Мысленно говоришь себе: «Стало грустновато в машине? Однако всё хорошо у нас. Мирно едем к полковнику Ивану Гурьевичу Суранову. Пускай «Симка» изредка чихает. Она пока что держится молодцом. Потихоньку тарыхтит её бензиновое сердце».

Папа — опять за рулем. Виктор подрёмывает, опустив подбородок на грудь.

Новый поворот. Опять вспыхнули, занялись бездымным электрическим пламенем деревья обочины.

— Красиво. Да, пап?

Эх, была не была! Грустить не стоит, а лучше повторить песенный номер подполковника Ладейнина. Включаю голос на шутейно полное, достаточно веселое напряжение:

— А у нас сегодня субботе-е-ея!

Водитель не сердится. Деловито — он ведь занят серьёзным делом — сообщает:

— Скорее всего сегодня идёт уже вторник.

Намёк насчёт дорожного спокойствия понят. Однако для поднятия духа в «Симке» можно и пошуметь. Тогда что желается предпринять беспокойному пассажиру?

— А у нас сегодня вто-ор-ник!

Водитель смотрит на часы. Сдотошно последовательной деловитостью поправляет певца, что некстати здесь разошелся:

— Если в точности, за полночь теперь. Наступила среда, верно?

Настоятельно советуют не голосить. Ладно! Раз моё исполнение чуточку недотягивает до высокого искусства, можно побереечь уши пассажиров. Но имею право считать дорожные повороты, и его, это право, наверняка не отменит никто в кабине.

Сбился, конечно, со счёта. Потому что разыскали мы Ивана Гурьевича не через час. И не через два.

Когда далеко за полночь вылезал из машины,

глаза у меня — хотел того или не хотел — слипались вполне усердно. Сонно пошёл туда, куда повёл папа.

Потом из какого-то другого мира слышу:

— Ваня! Это мы! Приехали из Парижа!

И в том, в другом мире, кто-то щиплет меня за ухо и скрипуче противным голосом бормочет:

— Нечего бесцельно дрыхнуть. Знаешь ведь, что пузырь из тёмно-коричневого стекла всё же тебе знакомый.

Что происходит? Ничего страшного нет. Просто здесь путешественник, оставивший мечту о бойких песнях, сам с собой в полусне беседует.

Эта возмутительная беседа недолго длилась. Её перебивает звонкий мальчишеский голос:

— Папка!

Проснулся Костик. Теперь он, хорошо отдохнувший и бодрый на все сто, имеет возможность покинуть заднее сиденье усталой «Симки». Уверен: все обрадовались, когда он смог вылезти самостоятельно из машины, чтобы приветствовать отца. Что можно пожелать парню, который в конце концов взял и вылечился от своей прилипчивой дорожной болезни? Лишь дальнейших успехов.

Вслед за тем я лежал на кровати. Без ботинок, поскольку Семаков решил постараться — помог их быстренько снять. И у меня совершенно не было сил, чтобы куда-то бежать и говорить Суранову: здравствуйте, Иван Гурьевич!

При первой нашей встрече не смог я бойко, весело, как хотелось бы, поприветствовать друга папы.

Семаков потом рассказывал: подполковник с удовольствием сделал это за меня. Они с полковником жали друг другу руки, обнимались, удивляясь тому, что остались живы и практически здоровы, провоевав целых четыре года по большей части на передовой.

Сколько довелось мне проваляться в кровати, не знаю. Зато из памяти не ушло: как только разлепил глаза, начал размышлять о странном пузырьке.

Лежу, значит, ломаю голову. Однако ничего путного почему-то не припоминается. Тут в комнату входит Флора Сергеевна, дёргает за верёвочку, привязанную к шторам. Они ползут

в разные стороны, открывая за окном облака-пёрышки. Кроме неба снаружи имеется дерево. Оно стоит во дворе и тянется веткой прямо к стеклу комнаты. Слышу какие-то вопли. Похоже, орёт кот. Где сидит громкое животное? Конечно, оно расположилось не вот тебе далеко. Поблизости, на ветке.

Кот орёт отчаянно, с непонятной обидой:

— Ма-а-ло-у!

Думаю: если издаёт эти странные звуки, то лишь по одной причине. Мало ему всего того, что привезла Флора Сергеевна из Парижа. Хочется ему ещё чего-нибудь.

Ишь, какой! Небось, подавайте ему птичек, что летают в небе!

Котья привлѣк моё внимание не только громким голосом. Шѣрстка на боках серо-бу-ро... коричневатая. Чуть потемнее — и она почти такая же цветом, как надоедливый толстый пузырьѣк. Не даёт он мне покоя. Всѣ-таки видел его много раньше. Знаю точно, однако не могу вспомнить когда и где.

— Руки помой. Лицо сполосни, — говорит мать Костика. — Не помешает после долгой дороги. Затем будем праздновать.

Намыливая ладони и физиономию, малость помятую после сна, продолжаю думать о толстобоккой тѣмно-коричневой стекляшке. Ну как она очутилась в «Мерседесе»?!

Когда папа и Виктор отѣхали от КПП километров пять, им попался на глаза брошенный автомобиль. Внутри кабины не было никого. Догадайся тут, по какой причине пассажиры ушли. Впрочем, они могли уехать назад в город, если у них была запасная машина. Хоть на дороге, хоть где-нибудь поблизости.

Гадай не гадай: «Мерседес» — вот он, а капитан и старший лейтенант испарились. Осталось от них что? Семаков сказал, что нашѣл пустую стекляшку на полу в кабине.

Выглядела она вполне обычно, ничего примечательного. Моё знакомство с разными аптечными пузырьѣками всегда заканчивалось недовольной гримасой — желаешь не желаешь, а пей лекарство. Даже когда оно очень горькое. Глотай послушно, если ухитрился заполучить хворобу.

Вот только не видел я ничего похожего, ничего толстопузо-коричневого. Ни у Коляна до-

ма, ни у соседской девочки Анны-Лоры. В аптеке Ротфельса полки были все поломаные, а на прилавке у него среди всего прочего...

Может, постараться и вспомнить, что было там, на прилавке?

Умылся. Беру полотенце.

Появляется Костик. Он в отличном настроении, не прочь поговорить.

— Здоров ты спать!

Проснулся парень. Подзакусил, прошѣлся по дому и сразу почувствовал себя хозяином. Он и верно сильно деловой, этот реалист Костик.

Приметил моё позднее пробуждение. Смеется. И нисколько не смущается, готов тут бойко повывисываться, хотя я бы на его месте не спешил показывать особо весѣлую бодрость. Ведь столько долгих часов дрыхнул этот соня без задних ног.

Думаю, что в ответ сказать. С Коляном приходилось мне по-спортивному взять и посоревноваться. Разве нельзя с Костиком?

— Давай поборемся — кто победит!

В схватке оказываюсь сильней. К нам заглядывает Флора Сергеевна:

— Познакомились, и что за возня? Шагайте за стол. Станем обедать.

Костик поднимается, отряхивается:

— Мама, сейчас идѣм. Всѣ в порядке.

Флора Сергеевна пожимает плечами, уходит, чтобы продолжать свои радостные хлопоты насѣт праздничного стола.

Чем понравился мне младший Суранов? Он ведь не указал на зачинщика возни. А это верный признак, что с ним можно ладить.

Мы перед обедом по очереди снова моем руки. Говорю ему:

— Валерий моё имя.

— А я Константин.

— Можешь звать меня Валеркой.

— Я тогда Костька.

— Лучше — Костик. Твоя храбрая мама вряд ли будет против.

— И я не против.

В столовую мы входим плечо к плечу. Подобно суворовским солдатам, идущим в атаку. Будем отмечать долгожданную общую встречу.

Но всё-таки что довелось мне видеть у Ротфельса на прилавке? Там была резиновая грелка с длинной красной трубкой. А также лечебные чулки в пакете, термометр в бумажном стаканчике, свёрток ваты и марлевые повязки. Помню ещё несколько пузырьков. Все как на подбор низенькие, узкогорлые, из дымчатого желтоватого стекла. Пузатых тёмно-коричневых не было ни одного.

Разумеется, не с руки мне забывать о праздничном столе. Поглощая то, что передо мной лежит, поскользку не на шутку голоден. При всём этом не очень меня заботит, что жую.

Странный молчун обращает на себя внимание полковника.

Тот придвигается, треплет мне вихры:

— Когда ем, я глух и нем?

Он без офицерского кителя, в зелёной рубашке с вольно расстегнутым воротом. Голова крупная, твёрдые складки от уголков рта идут вниз. Сильное, мужественное лицо, а глаза добрые. Хочется поделиться с таким человеком своими соображениями:

— Иван Гурьевич! Двое бандитов, что бросили «Мерседес» на дороге, прячутся в помещицкой усадьбе. Пробрались через болото и сидят в доме.

Суранов откидывается на спинку стула. Отвечать не торопится. Лукавые смешинки в глазах.

— Что называется, берет быка за рога, — наконец говорит полковник. — Нет, Валерий, неведомо никому, где отсиживаются те двое. Пока ты спал, был проверен дом, прочесали парк и болото. Мы должны их найти. Далеко они вряд ли ушли. Разговор остаётся между нами, понял?

— Вот и хорошо, — замечает Флора Сергеевна. — Не станем ворошить военные тайны. У меня есть другая интересная тема для беседы. Скажи-ка, Ванечка, почему писал про один городок, но оказался в другом. Чудо ведь просто, что не пришлось возвращаться нам в Берлин!

Он отвечает вопросом на вопрос:

— Зачем было торопиться? Я не виноват, коль вам захотелось покинуть гостиницу побыстрее. Меня переводят в тот городок, где служит Ладейнин. Поэтому и написал тебе, в каком месте будем жить.

— На конверте стоял штамп воинской части. Выходит, что почта...

— Правильный штамп. Но ведь из части выбываю. Уже сдаю дела. Значит, мы сегодня укладываемся. И — в путь. В соседи к Валерию Гавриловичу.

Суранова укоризненно качает головой с красиво уложенной косой:

— Как всё тут сложно у вас!

— Война усложнила, — говорит папа.

Иван Гурьевич поворачивается к нему. Обнимает рукой за плечи:

— Где поселим моих близких? Найдется поблизости приличная комната?

— Найдется! — охотно подсказываю. — В нашем доме. На третьем этаже. Она теперь пустая. Свободная для проживания.

— Если только пожить там первое время, — согласно кивает папа. — Вскоре кончается ремонт дома для офицерских семей. Все туда переедем.

Беседа продолжается. Вместе со всеми сижу за столом. Отдаю честь вкусоте праздничной. Что-то здесь ем, угощение с одной тарелки беру, с другой. Но если по-честному, то нет меня. В том числе и возле копчёной домашней колбаски, прибывшей из степного Парижа.

Почему? Потому что стекляшка не даёт покоя. Все мысли крутятся вокруг тёмно-коричневого пузатого изделия. Выяснив, что похожий предмет мне в аптеке не попадался на глаза, начинаю понимать. Что именно? Как раз это: да, он мог быть взят у Ротфельса. Но его взяли до того, как на полках бушевал разгромный вихрь. И, конечно, я видел стекляшку до поездки в часть к полковнику Суранову.

Пусть никаких бандитов не оказалось в тихом доме, где парк вокруг большой, где на заборе большущие амбарные запоры. Зато кое-что мне знакомое вдруг очутилось в беглом лимузине. С какой стати оно там очутилось?

ПАРАШЮТ

Переезд получился быстрым. Не сказать, чтобы вещей было много. Иван Гурьевич ловко управился и со своей поклажей, и с чемоданом Флоры Сергеевны.

Какой-то баульчик был припасён полковником лично для сына, Костик сам потащил его

на третий этаж. Из-под крышки свисал белый верёвочный хвостик. Смотрю — он тянется, волочится по ступеням. Как мне было не прижать ногой кончик? Пусть будет весело! Ползёт верёвочная змейка и вот, застопорившись, дёргается. Костик оборачивается:

— Если желаешь знать, это кнут.

— Зачем он тебе нужен?

— Волчок запускать, — объясняет новый приятель. И, конечно, я не могу не заинтересоваться.

— У тебя есть немецкий волчок? Из Парижа привёз?

— Подарил папа. Он ведь нас не видел несколько лет. В Германии собирал для меня разные игрушки. Как для маленького. А мне волчок уже ни к чему.

— Ничего. Можно запускать всё равно. Для нашей Машки уж точно будет интересно.

Успокаиваю «парижанина», о чём при этом думаю? Конечно, о стекляшке. Уж что-что, а пузырьёк сегодня мне очень интересен. Может, стоит походить по саду, полазать снова по кустам?

— Хочешь, подарю тебе парашют? — говорит Костик.

Чемодан открыт. Мы стоим в комнате, где жил раньше садовник. Кажется, я получаю в подарок от нового друга замечательную вещь.

Парашют странный. Потому что игрушечный, однако очень уж какой-то настоящий. Таких никогда раньше не встречал. Даже мечтать не мечтал, чтобы увидеть.

Синий купол из крепкого плотного шелка. Миниатюрные стропы не просто вам обычные — для шитья! — нитки: они туго свиты из шелковых паутинок. Кроме того, имеется кожаный мешочек, куда тебе надо укладывать груз.

— Если хочешь стать парашютистом, не мешает узнать технику, — говорит младший Суранов, теперь ставший моим соседом.

— Узнать что?

— Технику полёта. Поведение и купола, и груза в воздухе. Неплохо будет, если поймёшь предназначение всех этих строп, — отвечает дотошный реалист Костик, и вслед за тем идём вместе во двор.

Взмах руки, по воле парижанина распускается много выше деревьев синий цветок. За-

тем подарок мы бросаем по очереди, наблюдая довольно завлекательную технику полёта.

Догадываюсь, что здесь не хватает моего дружка. Колян как никто оценил бы эту воздушную технику. Он храбрый. И терпеть не может хлюпиков.

Рассказываю про Самопалова. Про его путешествия и службу в армии.

— Каких хлюпиков он терпеть не может? — неожиданно спрашивает Костик.

Ясно по виду парня, чтонисколько не хочется ему ходить в хлюпиках. Мне повествовать о предпочтениях Коляна? Это долго. Лучше сразу привести убедительный пример. Да будет известно, что найдутся некоторые... Прежде чем залезть на забор... Прежде чем быть к небу поближе... Они возьмут и побегут к маме. Спрашивать разрешения. Поэтому начинаю говорить реалисту как раз о высокой загородке местного сада.

Младший Суранов вопросительно смотрит на меня. Не может взять в толк, при чём тут.. Разъясняю: очень ловко Самопалов может преодолеть садовую ограду. А после того он исключительно удачно копает землю в кустах крыжовника.

История о деньгах нацистки-хозяйки задевает Костика:

— Жаль, меня с вами не было.

Снова парашют — в небе. Коляна позвать не успеваем. Анна-Лора и Машка появляются из-за угла дома. Они садятся на лавочку. О чём-то шепчутся. Улыбаются, глядя на воздушные упражнения синего цветка.

«Что себе позволяют? Считают, мы глупо развлекаемся?» — вдруг приходит на ум, и я решаю нахмуриться. Девочкам лучше знать сейчас: не стоит здесь шептаться. Даже улыбаться не стоит.

— Машка! Наверное, мама уже ищет тебя.

Соседку, немецкую девочку Анну-Лору, вежливо предупреждаю:

— Смеяться над спортсменами не есть хорошо. Они могут обидеться на зрителей. Потому что стараются всё делать правильно.

Дальше в таком же духе шпарю по-немецки. Младший Суранов даже рот разинул от удивления. Раньше нечасто приходилось ему слышать таких говорунов.

Подмигиваю соседке. Дескать, видишь, как много слов знаю. После чего начинаю нести ерунду. Барабаню всякие выражения подряд. Их довольно много приходит в голову. Анна-Лора, закусив кончик белобрысой косички, задумчиво слушает мою белиберду.

Костик уже кое-что сообразил. Вид у дотошливого реалиста усмешливо скептический. Что касается Анны-Лоры, она почему-то серьёзна. Хвалит меня. Но сразу же добавляет: не надо слишком быстро, я не всё понимаю.

Она тоненькая, стройная. Стоит в лёгком платье без рукавов. На шее — лямочка, которая поддерживает цветастый фартучек. И, конечно, реалист Костик догадывается, что возле Анны-Лоры вполне можно стать очень разговорчивым.

На небе неожиданная перемена. Исчезли кудрявые белые барашки облаков. Вместо них три тучи. Эти иссиня-лиловые подушки сдвигаются. Начинают гроыхать. Потом крупные капли колотят по яблоневым стволам. По дрожащим листьям.

Машка, прикрывая макушку двумя ладонями, бежит в дом. За ней следом уходит Анна-Лора, улыбнувшись нам на прощание.

Мне и Костику нет нужды торчать в поникшем саду. Если уж заниматься делом, лучше заглянуть в подвал, где хранился до войны уголь. Не там ли довелось увидеть пузатую стекляшку?

— Сведу тебя в одно примечательное местечко, — говорю «парижанину». — Посмотрим там. Вдруг что-нибудь интересное попадётся на глаза.

— А должно попасться?

— Всякое может быть. Нужно отыскать тёмно-коричневый пузырёк.

Дверь в подвал, разумеется, на запоре. Тяну дужку, замок расторопно падает, впуская любопытных внутрь темноватого помещения.

Маленькое оконце даже при ярком солнце пропускало мало света. Спеша увидеть кое-что стеклянное, я чуть не рухнул — споткнулся о брикетные остатки.

— Значит, нужно шарить в угольной пыли? — бормочет новый приятель.

— Кто у нас дотошливый реалист? — низко наклонившись, иду в дальний угол подвала.

— Мама сказала? Ладно, смотрю. Только ничего особенного не вижу.

Мы занимаемся делом старательно. Шарим и шарим, как сказал Костик, в неприятном обилии застарелой пыли.

Снаружи гремит раскатисто. Всё яростнее с каждой минутой. Кажется, насчет бури, а также насчет географии пора дать кое-какие разъяснения.

С разговорами у меня всегда наблюдается порядок. Что называется, не заржавеет, даже когда не раз и не два чихнешь. Сейчас поговорим про погоду, потом подойдет очередь садовым странностям. Ведь куча незадач лишь растёт, не так ли? Поиск наш идет безостановочно, при всем том Костик получает необходимое сведение: немцам иногда можно сильно поволноваться. У них с одного бока Северное море. Неподалеку Атлантический океан. Сойдутся тучи с разных сторон — свистопляска поднимается.

Младший Суранов повидал, не исключено, много всякого. Независимо бормочет в своем углу:

— Обычное светопреставление.

Обычное или не очень, и всё же оглушительный удар грома заставляет меня засуетиться. Что говорила Анна-Лора? Повторяю слова её Костику:

— В Германии ураганы случаются. Ужасные. Ливни? Страшные.

— Не спорю, — доносится со стороны храброго «парижанина». — Только мне сейчас это неинтересно.

Каков реалист! Если он такой смелый, пусть знает: ищем мы вовсе не простой пузырёк — особенный. Выкладываю новому приятелю подробности. Видел я тёмно-коричневую стекляшку два раза. С ней связана запутанная история, где и деньги нацистов, и разгром аптеки Ротфельса, и беглый «Мерседес». Правильно поступаю или нет, однако рассказ выходит длинный. Он повторяет весь путь, что начался с маминых упреков насчет подвала.

— Ищешь здесь? Поступаешь правильно, — заявляет, поразмыслив, Костик. — История получается убедительная. В своей странности. Так что не стоит откладывать наши поиски.

Он так выразился? Наши поиски? Мне эти слова нравятся. Охотно выкладываю реалистичному парню дальнейшие свои соображения:

— Найдя здесь пузырьёк, мы обнаружим связь. Между налётчиками и сообщниками. Обе посудинки довольно примечательные. Они с наклейками. Но что было в аптеке Ротфельса? Этот аккуратист продавал свои стекляшки без наклеек. Самопалов и я видели, что с бирками они. Понимаешь? Только с бирками, что висели на горлышках.

— Он сам готовил растворы! — воскликнул мой помощник.

— Люди болеют во все времена. Вот он и старался разнообразить список лекарств по мере своих сил, — догадка приятеля не противоречит моим наблюдениям, и я готов хоть сейчас повторить заново наш с Коляном путь вплоть до аптеки.

Младший Суранов продолжает размышлять: один из бандитов нездоров, употребляет особое лекарство. Пузырёк примечательный.

— Верный след! — вырывается у меня восклицание.

— Найти след бандитского местопребывания? Уж не знаю, что и сказать. Но лучше нам ничего не придумать.

Согласен с ним: это было бы замечательно. Много легче майору Тамарову с его патрулями схватить бандитов, а также их сообщников.

Иначе ведь что получится? Скоро целая рота бывших эсэсовцев выйдет из подполья. Начнёт бить, крушить, запугивая мирных жителей. Рекой потечёт кровь невинных жертв. Воображение далеко уносит меня. Развиваю мысль: стон и плач будут стоять во всех домах, не только в аптеке Ротфельса.

— Погоди с ротой эсэсовцев. В угольном подвале сообщников не видать. Как и пузырька с наклейкой, — реалистичный приятель подрезает крылья моему разгулявшемуся воображению.

Приходится это самое — подумать и согласиться:

— Тогда уходим отсюда. Рыться нет смысла также в открытых земляных складах. Колян там пахал, потом Руди Шёнберг, полицейский, дополнительно всё проверял.

Во дворе — звонкие голоса. Потому что силь-

ный ветер прогнал тяжёлые тучи и солнце в небе появилось вновь. Оно светит ярко, лучи тёплые и спокойно льются на землю. Анна-Лора и Машка с удовольствием прогуливаются по саду.

Лужи, ручьи. Влажный воздух парит, щекочет кожу. Подёргиваю плечами под рубашкой: она после холодного подвала стала мокрой и липкой.

Бредём по мостовой, шаря глазами по обочинам. Вроде бы мы тоже здесь прогуливаемся. Однако при этом есть сильное желание увидеть как раз то, что необходимо. Вынь да положь нам коричневое стекляннное изделие!

Костику первому надоело бессистемное блуждание по улице: таким способом проклятый предмет найти не удастся. Поэтому предлагает навестить Коляна. Самопалова не помещает расспросить: мог заметить пузырьёк, раз вместе в тот день бегали по городку.

Что верно, то верно! Тот способен, поскольку не зря кочевал с цыганами. Перенял у табора кое-какое умельство. Угадать судьбу, пожалуй, не угадает, но есть ведь навык зорко примечать то, что вокруг происходит.

Мой старый дружок дома. В комнате пахнет свежeweымытыми половицами. Колян драит пол проволочной щёткой, оттирает доски, все эти широкие толстые плахи, каким-то раствором.

Санитарная обработка — любимый номер старшей медсестры. В комнате у Самопаловых поддерживается чистота, как в больничной палате. Мамаша не простила Коляну стрельбы из парабеллума. Поэтому сегодня ему приходится трудиться не покладая рук.

Представляю дружку младшего Суранова. Рекомендую нового товарища с самой лучшей стороны. Поскольку парень готов помочь нам.

Восклицает Колян почему? Он замечает у меня парашют, а послужишь в армии — станешь неплохо соображать. Хоть насчет купола, хоть насчет строп и воздушно-десантной техники.

Одобрительно погладив синий шелк трудовой шершавой ладонью, он делает губы трубочкой. Восхищенно чмокает:

— Толковая, гляжу, вещь!

Верный дружок не так чтобы очень разговорчивый. Однако мне ясно: он считает, что сгодится не только парашют. Нам — повидавшим всякие виды, в том числе разгром у Ротфельса — подойдёт обязательно младший Суранов.

— Садись на табурет, — говорю «парижанину». — Выкладывай Колянну соображения. Он служил в хоззвезде; военный порядок знает. Можешь не тушеваться, а вдоль и поперёк стекляшки развивать поисковую мысль.

После моего напутствия голос у Костика отдавал хрипотцой. Всё же он волновался не сильно. Достаточно связно изложил все мысли, имеющие отношение к местопребыванию бандитов. Поэтому бывший армеец теперь не возражает: очень важно знать место, где могли отсиживаться враги в ожидании своего часа.

— Постарайся вспомнить? — говорит Самопалову новый приятель. — В конце концов, ты был весь день вместе с Валеркой. Где вы оба могли, бегая по городку, увидеть необычный пузырёк с наклейкой? Думай! Вспоминай получше, тогда мы узнаем о налетчиках, об этих тёмных личностях. Возможно, что — всё. Или почти всё.

— Мне и думать нечего, — спокойно отвечает Самопалов. — Я знаю, где она валялась. Пузатая штучка. Тёмно-коричневая стекляшка с медицинской наклейкой.

СОВЕТ АННЫ-ЛОРЫ

Удивляйся не удивляйся, но выходит что? Колянну известно, где теперь прячутся налетчики. И он никому до сих пор ничего не сказал? Даже мне, своему лучшему другу? Что-то здесь не так!

Если назвала Флора Сергеевна меня фантазёром, то насчёт бандитов цыган Самопалов... Ой, кажется, обнаружился напрочь отчаянный мечтатель! Поэтому со спокойной душой ему заявляю:

— Здоров ты заливать!
— Всё точно. Спорим?
— Пожалуйста! А чем докажешь?
— Лежит себе. Не торопится никуда. Сейчас пойдем и...

Вдобавок ко всему берётся что-то доказывать. Фантастическое упрямство дружка просто смешно. Первопроходец желает, чтобы мы спасли его? От дополнительной санитарной обработки домашнего помещения? После парабеллума, способного не раз и не два бабахнуть, чего только не приходит мне в голову, но...

Что Колянну отмерено, то лишь одна медсестра в силах отменить. Или поубавить хотя бы. Только ждать у неё обязательного прощения — всё равно что ждать милости от природы. То ли милосердие проявится, то ли нет. И скорее всего, что — нет!

Наверное, разгулялось воображение у парня. Поверить бедолаге — враз не поверю. Короче говоря, у тебя есть что? Готовность засмеяться. Всё же твёрдая реальность «Мерседеса» и дошлифованный Костик не позволяют здесь легкомысленно хохотать.

Тебе, конечно, предстоит подсутиться. Помоги, Валерка, старшей медсестре. В каком смысле? Именно в этом — пусть она проявит великодушие, простит сына. Тогда Колянн бросит своё полOMOйство, пойдёт с нами. Он покажет нам то, что Костик назвал «местопребыванием тёмных личностей». Стою, значит, недвижно, и мысли у меня в беспримерности неутешительные: нет и ещё раз нет, граждане! Вряд ли самопаловская мамаша пожелает без промедления извинить шустрого стрелка!

Итак, высвободить дружка, осознавшего свои ошибки, — а ведь он уже осознал давно! — что необходимо? Придумать для него неотложное, со всех сторон очень важное занятие. Чтобы старшая медсестра сменила гнев на милость.

Минута размышления. Доброе дело для Коляна будет вот такое. Он сей момент согласится пойти с нами в парикмахерскую. Решится наконец привести в порядок буйно-упрямую шевелюру. Ради нашего общего дела парень должен пожертвовать своей драгоценной — как всем известно! — причёской. В парикмахерскую тогда отпустят его обязательно.

Выслушав меня, он побледнел. Даже губы задрожали. Можно догадаться: у него было страшное, просто-таки жутко большое желание отказаться от немилосердно черствого плана.

Но суровая правда была на моей стороне, и дружок это понимает. Сдерживая себя, он согласен кивает. Проявляет тем самым колоссальную сознательность.

Затем ставит принципиально строгую точку: — Сообща идём стричься. Все трое! Потому что вы меня заставили, уговорили, ясно?

Страдать, так уж всей компанией. Оно будет

понадёжней. Поэтому споров никаких нет. Поглядишь на отчаянно печального человека, посочувствуешь ему и не поспешить — не бро-сишься возражать, если даже тебя начисто те-перь оболванят.

Через пятнадцать минут сидим в желтых креслах, пахнувших одеколоном. Лихое шел-канье ножниц приводит дружка в понятное волнение. Вида он всё ж таки не подает. Гляди на него или не гляди: влип в кресло, недвижим, словно бетонный монумент. Колян — в этом всё дело! — добропорядочно честная, ответ-ственная личность, а не просто вам легкомыс-ленный пистолетный стрелок.

Затем он ведёт нас на аэродром.

Там, рядом со входом в подземелье, благопол-лучно лежал тёмно-коричневый пузырьёк с наклейкой. Слово он здесь врос в землю, на-мертво укоренился, стараясь изо всех сил дож-даться нашего появления.

Самопалов пинает его ботинком, по-армейс-кому высоким и твёрдым:

— Вот и все дела. Хорошо, стекляшку не раз-давил какой-нибудь солдатский сапог. Возле бункера народу побывало много. Но раз не ос-колки перед нами, то можете любоваться нак-лейкой. Она в целости и сохранности.

— Похож цвет у предмета? — глядит на меня дотошливо реалистичный Костик. — В «Мер-седесе» был такой же?

— Как две капли.

— А ты не верил, — укоризненно говорит Са-мопалов. — Спорить начал. Преспорил бы всё на свете.

Младший Суранов поднял пузырьёк. Посмот-рел на него и солидно сказал:

— Мне всё ясно. В бункере прятался не один только ваш нацист.

— Он вовсе не наш, — обижаюсь.

— Разумеется. Но гораздо важнее, — Костик продолжает делать неторопливые выводы, — как раз что? С ним, с этим местным фашистом, здесь какое-то время находились пассажиры «Мерседеса».

Вдумчиво проницательного «парижанина» не переспоришь. Он сопоставляет факты, до-водит их до нашего сведения, соединяет в до-казательную цепочку. Стоит себе невозмутимо и шпарит как по писаному!

Над аэродромом кружилось вороньё. Оно об-любовало развалины и теперь желало прогнать незваных гостей. Наглое хлопанье крыльев над нашими головами. Злобное карканье. Тут при-зывали кучу несчастий на стриженные головы мальчишек, не иначе. Руки у меня зачесались — так бы и запустил пузырьёком в горластых этих недругов! Но стекляшка пока что нужна.

Заявляю Костику:

— Держи крепче находку. Она может ещё пригодиться.

Самопалов согласно кивает. Дружок пони-мает, с какой стати проявлена у товарища бе-режливость.

Лекарство скорее всего предназначалось не бандитам-автомобилистам. Именно брата на-цистки, фабричного богатея, беспокоила не-заживающая рана. Поэтому у него была при-чина просить тех — в форме офицеров — при-везти ему целебную мазь.

В точности обитатель бункера имел сообщ-ников. Он велел им отправиться к аптекарю. Для той простой цели, чтобы достать новую порцию лекарства. И там что-то пошло, как го-ворится, наперекосяк.

Колян дает решительную отмашку рукой, напрочь отменяя всякие сомнения:

— Уверен, не было у них желания поднимать шум у Ротфельса.

Младший Суранов задумчиво моргает, чешет за ухом:

— Выполняли приказ — ясно. Лишнего шу-ма не желали — можно также сообразить. А главное во всём — вот что. Очень сильно по всем полкам бушевали они. Причина? Стара-лись изо всех сил выполнить приказ. В любом случае. И тогда, значит, бункерный фашис-тский богатея был у них предводителем. Именно так.

Подсказываю:

— Ротфельс мог вполне убедительно объ-яснить: целебная мазь кончилась. Но тогда полу-чается, что они ему не поверили. Начали без долгих разговоров искать, бить, крушить.

Костик продолжает свои размышления:

— Не поверили. А почему? Раньше у налетчи-ков была возможность заполучить лекарство. Ясно даже младенцу, они пытались выманить у

Ротфельса новый пузырьрёк. Не получилось добром — кинулись брать силой. Эх, узнать бы, до вашей стрельбы кто помогал фашистскому предводителю в аптечных переговорах?

Самопалов пожимает плечами, спокойно говорит:

— Только не автомобильные бандиты. Да, они были посланы к Ротфельсу. Но тот, как и его домашние, до налёта никогда таких гостей не видел.

Подтверждаю:

— Точно, как в аптеке!

Младший Суранов шевелит губами. Напряженно размышляет. Видно, мысленно проговаривает слова, которые сами рвутся наружу.

Но вот всяческое шевеление у реалистичного парня заканчивается. Он шепчет, в настойчивости обрушивая на присутствующих достаточно тревожные выводы:

— Тут есть наверняка секрет. Слушайте меня внимательно. Если появятся дополнительные соображения, прошу не стесняться и выкладывать. Мне желательно знать особо интересное из местных событий.

Думаю: высказаться мне? Обязательно это! У меня — запросто!

И теперь о чём продолжает говорить въедливый «парижанин»? О том, что у предводителя были какие-то дела в городе. В них ему наверняка помогала родственница. Но скорее всего не собирается она выдавать их общую тайну. Парочка рисковала жизнью, оставаясь здесь, где их знала каждая дворняжка. Поэтому... что задержало богатых фашистов в городе?

Вспоминаю наши с Коляном раскопки в саду. Вряд ли парочка богатых фашистов мечтала в окончателности расстаться с припрятанными золотыми гульденами.

Не удержавшись, подсказываю очень интересное:

— Денег было много. Алюминиевых, а также бумажных. И здесь иметь золота могли много больше. Столько, что сразу не выкопать.

— Пусть это возможно. Однако маловероятно, — говорит Колян. — Ведь эти фашисты своё богатство не выкапывали, наоборот, закапывали.

Наш новый приятель предлагает порасспросить здешних жителей. Потому что соседи они везде соседи.

— ...Всегда рады посудачить друг о друге, правда?

Побегать по городу не впервой мне и Самопалову. Если вволю ползать по соседским развалинам, то занимались подобными прогулками не раз. Находили разное, исправное и не исправное. Ясно, мы не мечтали о готовом к бою пистолете, но — поди ж ты! — довелось подержать в руках. Теперь вот можно благополучно вернуться к путешествиям, которые станут у нас более целенаправленными. Возражать Костику, прознавшему о наших «всеpronикающих» способностях? Нет у меня желания. Однако дружка старого внезапное предложение радует не так чтобы очень: сгодится оно только в крайнем случае, хлопот ведь не оберешься. Поразмыслив, он скептически трет стриженный затылок:

— Зачем расспрашивать? Долгая получится история. Для начала надо просто пойти к Валеркиной соседке. Немецкой девочке Анне-Лоре всё про нацистку здешнюю понятно.

Расклад младшему Суранову бесспорно интересен. Новому приятелю хочется немедленно выяснить подробности. Анна-Лора? Что известно Самопалову о ней? Тот не собирается ничего скрывать. Нет у него намерения продемонстрировать тут свое знаменитое умение отмалчиваться. Наоборот, сегодня бывший армеец просто на удивление разговорчив. Как признанный старожил, Колян старается показать: осведомлен лучше всех насчет нашей здешней жизни.

Не с руки мне спорить. И становится Костику известно что? Девочка — верный кладёз сведений о соседях. Кроме того, она — если пожелает — подскажет: есть у нее брат Курт.

— Зачем нам Курт? — «парижанин» удивлён и торопится задать свой вполне резонный вопрос.

В хоззводе, конечно, знали много всяких интересных вещей.

Не знаю, кто вёл там небезразличные разговоры о городской жизни. Однако нет ошибки: Курт раньше был камердинером барона. Во время войны кем стал? Денщиком у своего хозяина, который в свою очередь стал офицером германских военно-морских сил. Брат Анны-Лоры вернулся домой без руки. Теперь он состоит кем-то вроде смотрителя в баронском

замке. Бывшая немецкая знать накопила немало ценностей. Новая власть взяла их под охрану. Если Курту доверили такое дело, выходит, что не простак тот был насчёт баронских картин, фарфора, старинного оружия и к тому же считался честным человеком. Он может нам кое-что рассказать о связях барона с местной фашистской шишкой. В конце концов, погибшего бункерного прожителя мы должны считать предводителем. Начальником бандитов, которым желательно бушевать в городе, гонять на черном «Мерседесе».

Можно ли мне теперь помалкивать?

— Смотритель как раз нам сгодится. А танта¹ Барбара? Она мать Курта и Анны-Лоры! О ней тоже не стоит забывать. Хотя бы потому, что в прежние годы была прислугой. Прибиралась в доме у фабричного богатея-нациста.

Костик шевелит мозгами. И неожиданно предлагает немислимую вещь:

— Получается вот так. Богатей ваш желал быстрее поправиться. Ему нужно было просить прислугу: давай иди в аптеку! за лекарством!

— Ты брось! — вступаюсь за невинную женщину. — И фабрикант не наш! И танта Барбара не имеет ничего общего с фашистом. Она от нужды там работала. Все знают, что сейчас не вспоминает его добром. Поэтому, пожалуйста, не думай.

«Парижанин» бурчит:

— В нашем случае не прошел мимо реальности. Ничего особенного не думал. Когда это был против честной справедливости? Просто у меня такая версия, очень подходящая. Она, как говорится, напрашивалась. Но чернить вашу Барбару я не собираюсь.

Можно теперь уже не возражать, спокойно согласиться:

— Ладно. Ты сказал как раз то, что пришло в голову. На версию имеешь право. А я могу эту версию не принимать. Танта Барбара честная и добрая, с ней моя мама дружит.

Гулкий, словно бочка, ангар остаётся за нашими спинами, мы идём по дороге, ведущей от аэродрома к окраине городка. Разобраться с некоторыми реальностями хочется побыстрее. И о чём наш разговор? О том, что Анна-Лора не откажет, небось, в просьбе. Пусть поможет Коляну и Костику подучить немецкий язык, заодно соседей её узнать. Ведь поговоришь с

людьми — и между делом, не делясь ни с кем соображениями насчёт всяких встречных стекляшек, сможешь разузнать многое.

Мы не собираемся фашистское золото искать. Однако время — золото. Минутами и часами дорожить надо. Поэтому идём как раз не так чтобы не спеша. Именно так, чтобы всё у нас получалось по-быстрому. Ускоряем шаги, потому что неплохо станет, когда удастся разобраться с некоторыми обстоятельствами. Толком не понимаем ещё многого. Но, как и всем нашим, хочется поскорей избавиться от налётчиков.

Так что переходим на рысь: подгоняет стремление побыстрее с Анной-Лорой встретиться. И — немедленно приступить к делу. Хоть к усердному знакомству с немецкой речью, хоть... Одним словом, волнует нас то, что Костик называет реальностью. Поэтому уже действительно бежим. Впереди несётся упрямый Самопалов. Для меня — удивительно, между прочим, незнакомый. Теперь, когда за получил короткий ёжик на голове, парень вроде бы записался в армейские новобранцы. Прямо-таки возьми и поверь, что никогда не числился в боевом хоззвезде.

Стараюсь забежать немного вперёд, чтобы оглянуться. Смешно или нет, а хочется удостовериться: дружок при всех новых делах — всё тот же Колян со своим непреклонным взглядом и упрямо сжатыми губами.

Рядом со мной летит вдоль края пшеничного поля Костик. Он старательно размахивает руками, на бегу дышит громко, раздувает ноздри. Ухитряется быть рациональным даже в беге. Он вперёд не вырывается, однако ни на шаг не отстает: нет ленивого желания тормозить ускоренное продвижение к цели.

Перед нами уже окраина поселения. Мы проскакиваем одним духом её не разобранные пока ещё развалины и все уцелевшие, более-менее вольно расставленные деревья.

Строгий порядок домов — он обычный для центральной части городка — пересекаем, как говорится, на курьерской скорости.

От заданного маршрута не отклоняемся. Но мелькает у меня мысль: надо будет познакомить Костика с местными достопримечательностями. Когда-нибудь потом сведу его в ту часть мес-

течка, где стоит замок барона. Можно также показать стрельбище, где наши солдаты отрабатывают свои упражнения. Раз или два в неделю там звучат выстрелы. В выходные дни, как правило, никого нет, тишина, и можно побродить между макетами, изображающими танки.

Останавливаемся перед домом Анны-Лоры. Обычное здешнее строение. Одноэтажное, буровато-красноватое кирпичное. Младшему Суранову кажется странным, что здесь по фасаду пять окон в ряд:

– Разве Барбара бедная? Ничего себе у нее жильё! Возможно военную казарму оборудовать.

Самопалов не забыл о своей манере чуть что хмыкать насмешливо. Немедленно слышу голос всем известного упряма:

– А сколько здесь пребывает обитателей? Что ни окно, то как раз тебе новая семья. Нам идти надо. Пошли! Нечего тут маячить, привлекать ненужное сейчас внимание соседей.

У строения, весьма странного, на взгляд степного «парижанина», сколько входов? Целых пять. И прямо с улицы ведут все они внутрь отдельной комнаты. Для каждой семьи – своё крылечко с десятком ступенек, свой желоб для стока дождевых струй и своё окошечко узким ромбом. У нас в России подобное сооружение встретишь редко.

Располагаются люди под общей крышей. Не исключено, постройка им всем нравится. Но мне поначалу казались квартиры здешние какими-то одинаково унылыми берлогами, в линеечку наспех содвинутыми. Хотя со стороны улицы всё выглядело довольно прилично.

На крылечко вышла Анна-Лора. Из окна заметив появление гостей, решила самолично поприветствовать нас.

Стряхнув с передничка невидимые нам соринки, она чуточку приседает и, выпрямившись, улыбается:

– Гутен таг!

И постриженный Самопалов, и младший Суранов, вежливо склонивший макушку, отвечают теми же словами. Словно спешат скорее освоить все выражения, которые Анна-Лора может им предложить для начала.

Догадался ли Костик, что она сделала нам книксен? Думаю: пусть Костик привыкает, что угостить тебя благовоспитанным приседанием

– всегда запросто. Это здесь как руку пожать незнакомому человеку.

Впервые попав в подобный дом, гость крутит головой, с любопытством озирается. Эй, реалист, тебя предупреждали: семья не из богатых! Поэтому с мебелью тут негусто!

Что видит «парижанин»? Старенький платяной шкаф в углу комнаты. Посередине помещения – стол обеденный, крытый клеёнкой. Возле него четыре стула с высокими прямыми спинками. Есть также узенькая этажерка с учебниками Анны-Лоры. Здесь тебе не бюргерская обстановка. Нет никаких украшений на стенах: ни тарелок с барельефами, ни лепных амурчиков.

Война одинаково сильно ударила по простым людям в Германии и России. Как вихрем вынесла вещи из жилищ, даже зачастую самые необходимые. Пусть вспомнит Костик, каково было его соседям в степном Париже. Много там стояло звонкого хрусталя? Шикарной мебели? Дорогие вещи можно увидеть в другом месте. Вот в замке барона, в просторных комнатах – да! Найдётся даже сегодня всякого, чтобы с любопытством покрутить головой. Говорят, особенно много там ценных картин, писанных маслом, а также дорогого фарфора.

Поскольку Самопалов и мой новый приятель, сказав «гутен таг», помалкивают... что ж, начинаю свою непростую речь. Чего желают молчуны? Им охота подковаться. Насчёт ходовых немецких выражений.

Мои друзья очень просят. Если Анна-Лора не возражает, они с удовольствием послушают. Есть время поговорить с нами?

Она соглашается побеседовать.

Присев у края стола, предлагает всем усаживаться поудобней:

– О чём станем разговаривать?

Сразу трудно сообразить. К счастью, до тошно реалистичный Костик приходит на помощь:

– Пусть расскажет о себе. Также о матери. Как, например, они раньше здесь работали на богатых соседей? Наверное, не бесплатно?

Анна-Лора понимает, что гостям всё интересно. Однако в той жизни было много до слёз

¹ Танта (от нем. *Tante*) – тётя

обидного. Стоит ли вспоминать о прошлом? Спешу заверить её: как раз очень полезно послушать. Пусть узнают мои друзья, каков он был, фашистский рай для небогатой семьи.

— Говори попроще. Если что, переведу, подскажу ребятам.

Беседа получилась долгой.

Летом, встав пораньше, девочка спешила в сад к сестре фабриканта. Надо было срезать ножом несколько высоких стеблей на клумбе. Хозяйка любила, чтобы ей приносили ежедневно цветы с капельками росы на лепестках.

Затем Анна-Лора отправлялась в булочную. К утренней кофейной чашечке фрау хотела всегда иметь особо свежую, тёплую сдобу.

Приходилось также загодя бежать в кондитерскую, где торговали пирожными, конфетами, всяческими штучками, обсыпанными сахарной пудрой. К обеденному чаю обязательно требовалось сладкое фигурное печенье. По дороге полагалось также побеспокоиться насчёт магазинчика, который продавал журналы, книги, другие издания. Ежедневно было необходимо знакомиться брату хозяйки с печатными новостями.

Если взять по рассеянности вчерашнюю булочку, то не избежать сильного нагоняя. Доставалось даже матери Анны-Лоры: вырастила недотёпу и глупышку! Расшибись хоть в лепёшку — никогда тебя не угостят ни конфеткой, ни булочкой, ни сахарным печеньем.

Хозяева считали, что нельзя баловать девочку. Когда все поручения выполнялись в точности, следовал приказ: «Ступай домой. Пройдёт час — приходи снова. Поможешь прибраться в комнатах».

Гоняли вот так целый день. А вечером фрау возьмёт и потребует, чтобы Анна-Лора читала ей что-нибудь из старых немецких поэтов. Эта женщина любила послушать стихи о рыцарской любви.

— Приходили гости к хозяевам? Кто именно? — Костик её рассказ внимательно слушает, однако не забывает поинтересоваться насчёт возможных деловых связей бункерного деятеля.

Кто бывал? Чаше прочих — владелец типографии, где печаталась небольшая местная газета. Был вхож в дом городской почтмейстер. Гости по выходным навевались такие, что любили посидеть за столом, поиграть в карты.

Самопалов задает неотложный вопрос:

— Барон часто приходил?

Анна-Лора смеётся. Разве этот господин пошёл бы с визитом к бывшему лавочнику? У него были знатные предки, и он гордился ими. Правда...

Она задумывается.

— Однажды, когда лавочник разбогател и стал в городе видным «наци», барон появился в доме фабриканта. Но что его привело, откуда знать?

Костик недоволен полученным ответом. Ему вынь да положь подробности странного посещения. Морщит лоб, вздыхает, хмурится. И в конце концов, не выдержав, заявляет:

— Валерка! Скажи девочке. Пусть постарается вспомнить. Может, рассказывал Курт о чём-нибудь особенном.

Анна-Лора говорит, что это было давно, всё уже позабылось. И какое дело Курту до хозяев? Он никогда у них не служил.

— Неужели и Барбара ничего не знает? — Колян ерошит свой ёжик, стараясь найти выход из трудного положения, в котором мы все оказались.

Анна-Лора тоже старается. Озабоченно моргает. Под локтем у неё приподнимается уголком клеёнка. Его поправить, видимо, самое подходящее время, раз ничего интересного не приходит в голову. И вдруг аккуратная девочка радостно улыбается:

— Ах, да! Мама однажды рассказывала. Пришлось ей просить хозяйку. Насчёт Курта.

Спешу высказаться:

— Эта фрау та ещё особа. Гоняла Коляна за милу душу.

Наша собеседница богатеёв городских любить не могла. И если встретились когда-то фашистский заправила с местным знатным господином, то решила постараться, припомнить историю в подробностях.

— Курт в то время числился безработным. На фабрике никто дополнительно не требовался, и ему никак не удавалось пристроиться куда-нибудь. Однако без рекомендации нельзя было попасть в помощники даже к бакалейщику. А барон как раз подыскивал такого человека себе в услужение, чтоб воровством не занимался и большого жалованья не просил. Захотел визитёр лично побеседовать с господами-нацистами, ставшими главными в городе.

Боялся, наверное, за ценности, что были у него в замке. Будьте уверены: по случаю произошёл у мамы разговор с хозяйкой, и уж совсем неожиданно Курт стал в замке прислуживать.

Бурчит Костик себе под нос что-то невразумительное. Проявляет недовольство? Если бурчит, то вовсе не потому, что у него такая привычка. Просто вдумчивый парень для себя не может прояснить ситуацию. Все глядят на него удивлённо. И тогда реалист, словно бы очнувшись, объявляет:

– Боялся барон или не боялся? Как теперь прикажете рассуждать, когда валят чередой сообщения, многочисленные и достаточно неглупые. С одной стороны, мог этот господин дать объявление в газету: нужен помощник. С другой стороны, мог и побояться. Легко было напороться на жулика. Или взять другое. Почему Курт никуда не поехал в поисках заработка? Напротив, ясно, что надо ему поддержать любимую мать и сестру, которые живут в бедности. Тогда лучше остаться в городке? Ухватиться даже за маленький, но верный заработок?

На мой вопрос о поездках Анна-Лора отвечает: не удалось набрать денег брату для путешествия. И на успех где была гарантия? А тут – неподалёку работа. Курт аккуратен, независлив и нежаден. Он чужого не возьмёт без разрешения. Он смог завоевать доверие барона, и тот со временем ввёл его в курс кое-каких своих дел.

– Знаю, что у фрау потом появился зверинец. Колян удивляется:

– Зоопарк?

– Набор фарфоровых зверюшек. Довольно симпатичных. Если вас интересует ещё что-то, советую обратиться к брату. Он больше меня знает о прошлой жизни.

Примечательная получилась беседа. Неожиданно нам стало известно о некоторых делах барона, в замке у которого хранилось много интересных вещей. Любитель древностей, кроме всего прочего, однажды навещал фабриканта. Тот оказал ему помощь и в благодарность получил от коллекционера кое-что, не совсем уж бесполезное, скорее – весьма красивое и ценное. Что касается Курта, мы поняли: мимо него нам никак не пройти в безразличии. Надо его разговорить, чтобы узнать больше о городском «наци». То, что случилось дальше, было также достаточно примечательным. Костик, этот деловой реалист, во время беседы машинально чертивший пальцем по клеёнке, словно отмечавший себе ориентиры для дальнейших наших дел, – взглянул в окно, вскочил:

– Там! Смотрите!..

(Окончание в следующем номере)

□

Борис Федорович КОЛЕСОВ

родился в 1943 году в Москве.

Работал в сфере периодики – в различных всесоюзных и общероссийских газетах и журналах.

Пишет прозу.

Автор книг: «Дашино лето» (1976), «Кто рассеянный?» (1977),

«Солдат и Ванюша» (1984), «По лунной дорожке» (1988),

которые выходили в издательствах «Малыш»,

«Детская литература», «Красноярское книжное издательство».

Живет в Москве.

